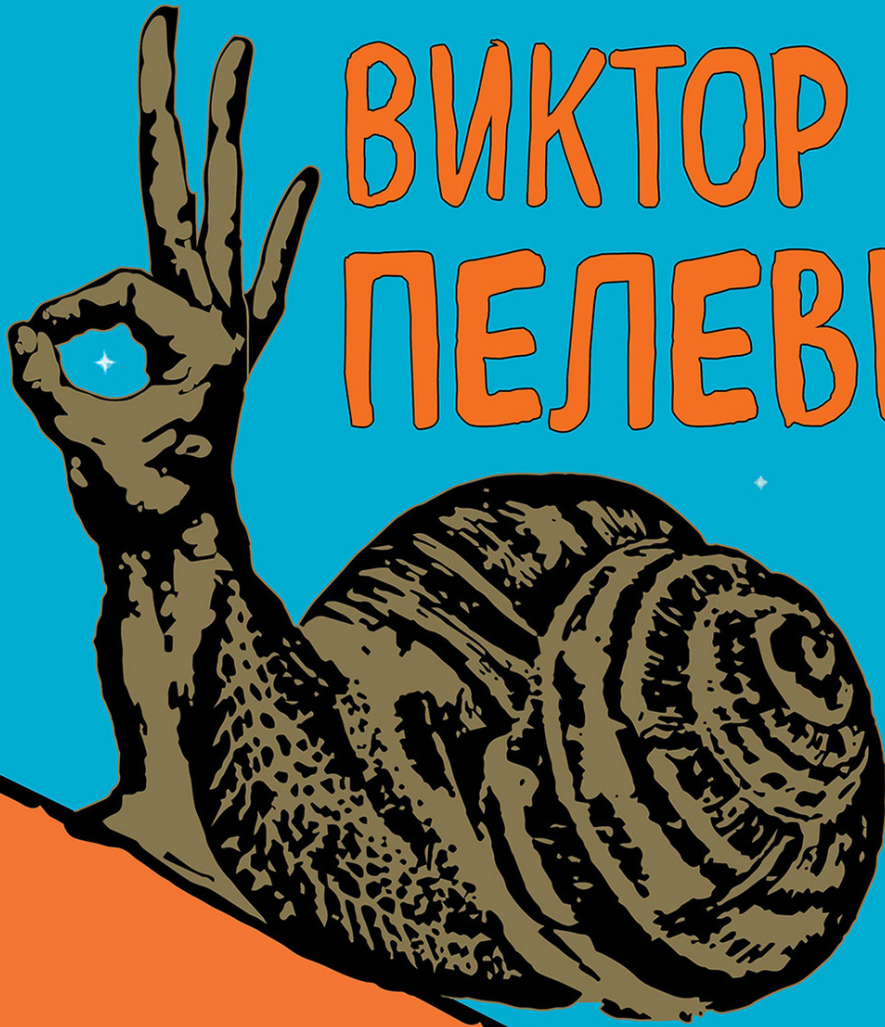

ВИКТОР
ПЕЛЕВИН

ТАЙНЫЕ
ВИДЫ НА
ГОРУ
ФУДЗИ +

Виктор Пелевин

**Тайные виды на гору Фудзи
+ бонус-трек «Столыпин»**

«ЭКСМО»

2018-2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пелевин В. О.

Тайные виды на гору Фудзи + бонус-трек «Столыпин» /
В. О. Пелевин — «Эксмо», 2018-2019

Готовы ли вы ощутить реальность так, как переживали ее аскеты и маги Древней Индии две с половиной тысячи лет назад? И если да, хватит ли у вас на это денег? Стартап «Fuji experiences» действует не в Силиконовой долине, а в российских реалиях, где требования к новому бизнесу гораздо жестче. Люди, способные профинансировать новый проект, наперечет... Но эта книга – не только о проблемах российских стартапов. Это своего рода современная «Илиада», повествующая о долгом и мучительно трудном возвращении российских олигархов домой. А еще это берущая за сердце история подлинного женского успеха. Впервые в мировой литературе раскрываются эзотерические тайны мезоамериканского феминизма с подробным описанием его энергетических практик. Речь также идет о некоторых интересных аспектах классической буддийской медитации. Герои книги – наши динамичные современники: социально ответственные бизнесмены, алхимические трансгендеры, одинокие усталые люди, из которых капитализм высасывает последнюю кровь, стартаперы-авантюристы из Сколково, буддийские монахи-медитаторы, черные лесбиянки. В ком-то читатель, возможно, узнает и себя...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Пелевин В. О., 2018-2019

© Эксмо, 2018-2019

Содержание

Тайные виды на гору Фудзи	7
Часть I. Fuji	7
1.1. Fuji# стартап	7
1.2. Таня	13
1.3. fuji-ё стартдаун	36
Часть II. Джаны	44
2.1. Индийская тетрадь. Джаны	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Виктор Пелевин
Тайные виды на гору Фудзи
+ бонус-трек «Столыпин»

© В. О. Пелевин, текст, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Тайные виды на гору Фудзи

Somebody's shouting up at a mountain...
Pictures of Home

Там, на вершине Фудзи...
Рама Второй

Часть I. Fuji

1.1. Fuji# стартап

Глотнув бондовского мартини (коктейль «Над Схваткой», как называло его внутреннее меню яхты), Федор Семенович откинулся на спинку шезлонга и стал следить за ползущим по синему простору катером, на котором уплыл Ринат.

Когда катер слился с белой тушей чужой мегаяхты, Федор Семенович наконец поднял глаза и разрешил себе заметить молодого человека в тертых джинсах, белой бейсболке и такого же цвета майке с синим принтом на груди. Рядом с ним на палубе стоял вместительный акушерский саквояж из желтой кожи.

– Добрый день, – сказал Федор Семенович и сделал такое движение, словно совсем уже собрался встать, но в последний момент не нашел достаточно сил. – Извините, загляделся на море. Вы из того стартапа, про который говорил Ринат Мусаевич?

– Да, – ответил молодой человек. – Он меня, собственно, и привез. Так вот и прыгаю с яхты на яхту.

– Присаживайтесь тогда, – сказал Федор Семенович, указывая на шезлонг напротив, – я немного отдохнуть хотел, а тут как раз тень.

Молодой человек снял бейсболку, положил ее на шезлонг таким образом, чтобы видна была надпись на ней, и деликатно присел рядом. На бейсболке было написано: «SKOLKOVO SAILING TEAM». Видимо, молодой человек давал понять, что у него тоже есть лодка, но пока еще маленькая. Федор Семенович хмыкнул.

– Вас зовут...

– Дамиан Улитин. Можно на «ты».

– Точно Дамиан? А не Демьян?

Дамиан выдержал взгляд Федора Семеновича.

– Точно. Могу паспорт показать.

Федор Семенович внимательно оглядел Дамиана.

Тому было на вид лет тридцать с небольшим. Уверенная улыбка, высокий сократовский лоб, черные волосы и борода – то ли широкая goatee, то ли узкая шкиперская. В Дамиане чувствовалась сладкая восточная – скорее всего, среднеазиатская – кровь и такая же сладкая восточная нега.

– Интересно, – сказал Федор Семенович, – столько слышу про эти сколковские стартапы, а встречаю впервые. Ну расскажи, как вам там стартапится.

– Вас стартапы вообще интересуют? – спросил Дамиан. – Или конкретно мой?

– И вообще, и твой.

У Федора Семеновича была такая привычка – задать собеседнику какой-нибудь замысловатый сложный вопрос, требующий долгого ответа, а потом, слушая вполуха, приглядываться

к его мимике и жестикуляции, как бы внюхиваясь в чужую душу. Часто удавалось многое понять еще до обсуждения конкретных вопросов.

– Ну, если вообще...

Дамиан нарочито комическим жестом почесал затылок.

– Если вообще, – сказал он решительно, – то девяносто процентов всех стартапов – это чистой воды кидалово.

– Ух ты. Прямо-таки кидалово?

– Ну не в прямом уголовном смысле. Просто их начинают с одной целью – создать видимость движухи, чего-то такого многообещающего и рвущегося в небо, и сразу, пока никто не разобрался, эту видимость продать. Продают в таких случаях, по сути, презентацию с картинками, файл программы «power point», а деньги берут настоящие.

– Серьезно? – опечалился Федор Семенович.

Дамиан кивнул.

– То есть люди с самого начала думают не над тем, как перевернуть рынок, или хотя бы предложить людям новый продукт или там услугу, а над тем, как склеить эффектное чучело. Продемонстрировать рост, сделать отчетность с красивыми цифрами, заинтересовать инвестора, снять лавандос и отчалить. Работают не над идеей, а над слайдом. При этом продают, как правило, клон какого-нибудь клона, только слова подбирают другие, чтобы узнать было трудно...

Говорил Дамиан быстро, горячо и как бы очень искренне – такое ощущение возникало из-за того, что его слова налезали друг на друга, словно им было тесно во рту. Почему-то это вызывало доверие.

– То есть осваивают средства? – понимающе спросил Федор Семенович.

– Вот именно. Можно бюджет пилить, а можно на стартапах поднимать. Суть одна и та же.

Жестикуляция у Дамиана была энергичная и изящная – он как бы помогал руками своим словам и смыслам, разбивая перед ними невидимую преграду. Это тоже скорее вызывало доверие, чем наоборот.

– Да... Грустно, – сказал Федор Семенович. – Что же это, наше национальное свойство?

Дамиан отрицательно помотал головой.

– Да нет, не думаю. В Америке в точности то же самое. Но там стартаперу на порядок проще. Там идею можно продать. А у нас – как правило, только реализацию.

– Почему?

– А то вы не знаете. Американцы же деньги печатают. Сколько им в голову придет, без тормозов. Вытирают ими задницу, прикуривают от них и так далее – и нам потом кидают, чтобы мы за них у обменника дрались... Но до нас все равно одни брызги долетают. А у них там Ниагара из бабла. Источник всех земных смыслов. Американские стартапы на этой Ниагаре мельницы. Большинство – пустышки, разводка. Но Ниагара такая, что ей все равно. Зато, если хоть одна мельница что-то такое начнет реально производить, об этом весь мир узнает. Поэтому Америка может покупать идеи. А у нас...

– Нет Ниагары?

– Да какое там, – вздохнул Дамиан. – Вот в Сколково как? Сразу спрашивают – а продукт у тебя есть? Продажи? Клиенты? Покажи. Хотят, значит, чтобы наши юноши и девушки, затянув пояса, в условиях санкций с нуля раскрутились на вечной мерзлоте аж до продаж и клиентов – и только потом отечественный инвестор, экономя на футбольных клубах и баскетбольных командах, понесет им свои кровные. Которые на залоговом аукционе заработал... Какая норма прибыли интересует отечественного инвестора, вы знаете. И требуют, чтобы у стартапа был мировой уровень, не меньше. Желательно сразу новая фирма «Эпл»... Кровососы.

– Откровенный ты парень, – улыбнулся Федор Семенович. – Мне это симпатично. И направление работы у тебя хорошее – список «Форбс» обслуживать. Когда придумал-то?

- Еще в институте. Когда курсовую писал по социальному партнерству.
- Клиентов много?

Дамиан вынул из кармана сложенный вдвое лист тонкой бумаги и протянул его Федору Семеновичу.

- Вот список.

Федор Семенович поглядел в бумажку, усмехнулся и уважительно поднял бровь.

– Впечатляет, – сказал он, возвращая листок Дамиану. – Даже Юру развел. А почему на бумаге показываешь?

– Потому что... – Дамиан вынул из кармана зажигалку, поднес к листку и поджег его, – говорить вслух о таких предметах неразумно. Это может быть записано подслушивающим устройством и использовано. А сейчас никаких следов уже нет. Прайвеси клиента – святыня номер один.

Он пустил по ветру быстро дотлевающие остатки бумажки.

– Хорошо, – сказал Федор Семенович. – Про клиентуру понятно. Ринат Мусаевич за тебя тоже ручается, что для меня самое важное. Так что ты хочешь мне продать? Если коротко?

- Счастье, – сказал Дамиан.

– Да? – развеселился Федор Семенович. – А откуда ты его завозить будешь? Там его вообще много? А то давай я оптом все возьму.

– Это не так просто. Счастье – это психический эффект. Ваше, так сказать, субъективное состояние в конце определенной процедуры. Продать и купить можно только процедуру. То есть технологию достижения счастья.

- И много у тебя процедур?

– Сейчас около десяти.

- А какой ценовой диапазон?

– Три таера, – ответил Дамиан. – Некоторые варианты недорогие. Другие значительно дороже. Есть, не побоюсь сказать, совершенно революционные подходы и решения. Вы инвестируете не столько в сам стартап, сколько в конкретную технологию. Иногда даже становитесь ее первым пользователем. Поверьте, Федор Семенович, я предлагаю уникальный опыт. Если уж тратить деньги, то на это. К сожалению, очень мало людей на Земле имеет такую возможность.

Федор Семенович вздохнул.

- Название-то у твоего стартапа уже есть?

– Есть. «Фуджи И». Пишется так – большими буквами FUJI и «е» в кружочке. Вот как у меня на майке. Расшифровывается – «Fuji Experiences».

Федор Семенович поглядел еще раз на синий простор за бортом, потом на далекую яхту Рината и решительно сказал:

– Ну хорошо, Дамиан. Считаю, что я подписался на твой экспириенс. Какие-то деньги в тебя вложу. Сперва небольшие. А дальше увидим...

Дамиан просиял.

- Спасибо за доверие.

- А теперь объясни – почему «Фуджи»?

– Потому что я Улитин.

- Не понял, – сказал Федор Семенович.

– С вашего позволения, у меня есть маленький ритуал, который я совершаю в начале сотрудничества. Эта процедура нужна, чтобы дать процессу формальный старт – и в ней же содержится ответ на ваш вопрос. Можно?

- Не возражаю.

– Тогда я хотел бы переодеться, – сказал Дамиан и подхватил с палубы свой саквояж. – Реквизит у меня с собой.

Пока Дамиан отсутствовал, Федор Семенович допил свой мартини и ощутил наконец приятное расслабление всех мышц.

Когда Дамиан опять появился на палубе, узнать его было трудно. Он был наряжен в самое настоящее японское кимоно – белое в мелких васильках.

Не дойдя до шезлонга с Федором Семеновичем нескольких метров, он остановился, топнул ногой и пропел тихим, но дрожащим от напряжения голосом:

Катацумури!
Соро-соро ноборе
Фуджи-но яма!

Федор Семенович хотел было пошутить, но что-то его остановило.

Кимоно на Дамиане было не особо новое, немного мягкое – и все равно тот выглядел очень аутентично. Настолько, что его южная смуглота даже стала казаться дальневосточной.

– Маленькая улитка! Медленно-медленно взбирайся по Фудзияме! Таков примерный перевод этих строк. Это одно из самых известных японских хайку в истории. Его написал великий Кобаяси Исса, один из четырех главных мастеров этой формы. Стих этот многократно переводился и цитировался – его упоминает Сэлинджер в повести «Фрэнни и Зуи», а братья Стругацкие даже взяли из него название своей повести «Улитка на склоне». Название моего стартапа содержит в себе ту же референцию. Моя фамилия, как вы догадываетесь, в самом центре этого смыслового облака – что еще делать Улитину в нашем мире?

– Теперь понял, – кивнул Федор Семенович.

– Смысл этих стихов настолько бесконечен, настолько многогранен, что о нем можно написать тома, и все равно не удастся его исчерпать. Это и крохотный человек, затерянный во Вселенной, и тот единственный способ, каким только и можно браться за действительно великие дела, и равенство мельчайшего с огромным... Продолжать можно бесконечно. Но нас здесь будет интересовать лишь один частный смысл, ни разу, насколько мне известно, не упомянутый ни одним из традиционных комментаторов. Вы ведь уже догадались, о чем я сейчас скажу?

Федор Семенович пожал плечами.

– Смотрите, – продолжал Дамиан, – вершина Фудзиямы – несомненный символ высочайшего достижения. Настолько в реальности невозможного, что его используют сугубо фигурально. Мол, ползи, улитка, вверх, к чуду, и не надейся даже, что доползешь, а пребывая в здесь и сейчас, пока не сдохнешь от стресса... Важна не цель, а движение, работа, возвращение кредита и все такое прочее. Это очевидные обыденные смыслы – ими граждан страны Ямато программируют на романтический конформизм, на котором, если разобраться, и держится вся японская экономика. Но как быть, если улитка все-таки добралась до вершины Фудзи? Или, вернее, каким-то чудом там оказалась – потому что, между нами говоря, честно доползти туда по склону нельзя? Эта тема, между прочим, великолепно разобрана в современной отечественной литературе. Если хотите, я вам процитирую нашего замечательного...

– Не хочу, – сказал Федор Семенович, поднимая руку, – это лишнее.

Дамиан улыбнулся.

– Я тогда своими словами объясню. Климат на вершине горы Фудзи примерно соответствует нашей тундре. Самая низкая зафиксированная температура – минус тридцать восемь по Цельсию. Самая высокая – плюс семнадцать. Мало того, что там снег круглый год, вершина Фудзи вдобавок еще и вулканический кратер. А сама гора Фудзи – это активный вулкан, извержение которого может начаться в любой момент. Те улитки, которые слушают Кобаяси Иссу где-то там на склоне, ничего не знают. Но улитки на вершине помнят про это каждую секунду... Попробуй забыть, что живешь на действующем вулкане. Представляете, каково у них на душе?

– Представляю, – сказал Федор Семенович. – Очень хорошо представляю без твоих японских стихов. И что дальше?

– Как вы догадываетесь, все вышеописанное – холодное одиночество в тундре, помноженное на риск в любой момент сгореть в потоке магмы – есть просто иносказательное описание внутреннего мира человека на самом вершине социальной пирамиды. Вернуть ему обычное человеческое счастье кажется невозможным делом. Но я считаю, и мой опыт это доказывает, что такая задача хоть и трудна, но выполнима. Просто для ее решения нужны экстраординарные, часто даже экстравагантные меры, ибо обычные рецепты счастья теряют на вершине всякий смысл. Уже долгое время я размышляю над этими вопросами, Федор Семенович. И вы можете не сомневаться, что весь свой огромный опыт я поставлю вам на службу, как беззаветный самурай вашего счастья...

Дамиан сделал сосредоточенное серьезное лицо, закрыл глаза и отвесил Федору Семеновичу формальный поклон.

– Ну ты меня прямо даже растрогал, – сказал Федор Семенович. – Беззаветный самурай моего счастья. Звучит.

Дамиан поклонился опять.

– С чего начнем? – спросил Федор Семенович.

– Как я уже сказал, вы инвестируете не в сам стартап, а в конкретные технологии. Есть направления разной стоимости, начиная...

– Слушай, – перебил Федор Семенович, – я вот вспомнил только что. Ринат рассказывал, что Баргашов на твоих процедурах таблетки какие-то жрал, чтобы эффект усилить, и что-то смешное приключилось. Это он про что?

Дамиан некоторое время думал. Потом он улыбнулся.

– Вы, видимо, хотите меня проверить – стану ли я разглашать личную информацию, касающуюся клиента? Конечно не стану. Ничего не могу сказать о Баргашове. И Баргашову ничего и никогда не скажу о вас, даже если утюгом пытаться будут. Можете быть уверены, что и содержание, и спектр оплаченных вами консультаций и услуг останутся абсолютно конфиденциальными.

– В этом я не сомневаюсь, – сказал Федор Семенович. – Ну так что у тебя за душой?

– «Фуджи И» предлагает много разных технологий, – ответил Дамиан. – Как обычно, все зависит от того, сколько вы хотите потратить.

– Самое недорогое, – сказал Федор Семенович. – Для начала. Дальше посмотрим.

Дамиан сделал вид, что задумался.

– Самое недорогое? Это, наверно, будет «Помпейский поцелуй».

– Да-да. Ринат как раз упоминал, что ты его на какие-то Помпеи подписал. Что это?

– Одна из моих технологий глубокой гратификации.

– Почему именно глубокой, а не широкой?

Дамиан улыбнулся.

– Я могу коротко объяснить теоретическую, так сказать, базу. Вы слышали про Стэнфордский зефирный эксперимент?

– Нет. И не хочу. Не надо мне про зефир, у меня времени мало. Ты самую суть изложи, очень коротко. Общую идею.

– Общая идея примерно следующая – человек, если рассмотреть его трансформацию во времени, похож на... Вот, знаете, есть такая расхожая картинка, изображающая эволюцию – сначала согнутая обезьяна, потом человекообразная обезьяна, потом прямой человек с дубиной, потом согнутый человек с папочкой и совсем уже скрюченный у компьютера...

– Знаю.

– Примерно так же мы эволюционируем и в рамках отдельной жизни. Наша личность в своем развитии проходит через множество стадий. И трагизм... ну, не трагизм, а своеобразие

нашей судьбы в том, что самые сильные и мучительные желания посещают нас, когда мы еще не распрямили спину до конца. А когда у нас в руках появляется наконец папочка с деньгами и мы действительно можем себе кое-что позволить, нам...

– Ничего уже не хочется, – вздохнул Федор Семенович. – Было нечего надеть, стало некуда носить.

– Замечательно, – сказал Дамиан. – За вами записывать надо.

– Это не я, – ответил Федор Семенович. – Это поэт Вознесенский. Ты, наверно, про такого и не слышал. И что ты собираешься с этой проблемой делать? Построить машину времени?

– Нет, – сказал Дамиан. – То есть в некотором роде да. Я предлагаю работать с помпейскими пустотами.

– То есть?

– Вы, наверно, слышали, что в вулканическом пепле Помпей остались полости в форме человеческих тел – от погибших во время извержения римлян. Тела истлели, а пустота осталась. Ее заполняют жидким гипсом и получают точные копии погибших. Вот точно так же в подсознательных слоях нашей психики остались отпечатки неудовлетворенных субъектов счастья – тех наших ранних «я», которым мучительно и безответно чего-то хотелось.

– И что? Какой мне толк от этих субъектов?

Дамиан сладко улыбнулся и поднял палец.

– «Субъект счастья» – это метафора. Речь на самом деле идет о вас. Конечно, невозможно воскресить вас юного и полного желаний. Но можно, так сказать, пробурить глубокую скважину к той зоне вашей психики, где остался отпечаток неисполненной мечты, и под большим давлением закачать туда концентрированный раствор счастья. В этом и заключается технология. Это будет не просто очень приятное переживание, а еще и крайне полезный для вашего внутреннего здоровья опыт.

– Х-м-м-м-м, – протянул Федор Семенович, – излагаешь ты красиво. Но верится мне что-то не слишком. Мало ли чего мне в детстве хотелось. Знаешь, как говорят – фарш назад не провернешь.

– Не провернешь, – ответил Дамиан. – Но запросто можно купить такой же точно кусок мяса, каким фарш когда-то был, и положить его сверху на мясорубку. И чем это будет отличаться от фарша, провернутого назад? Только вашими расходами на мясо.

– Это будет самообман.

– Федор Семенович... Японские самураи в свое время говорили, что правда в мире одна – смерть. Все остальное враки. Счастье – всегда самообман. И этот самообман требует нежного креативного подхода. Готовности обманывать и обманываться. Знаете песню – «много в поле тропинок, только правда одна...» О чем эти слова? Вот о чем: когда у вас есть средства, имеет смысл сосредоточиться на мудром выборе эксклюзивной тропинки... А правда в свое время найдет нас сама без всяких инвестиций.

– Да, – согласился Федор Семенович. – Есть такое. Ну что ж, Дамиан, давай попробуем твою тропинку. Даже интересно.

– Как вы догадываетесь, чтобы перейти к конкретным процедурам, нам необходимо будет составить подробную карту вашей психики...

– Карту психики?

Дамиан махнул рукой.

– Не обращайтесь внимания. Наш профессиональный жаргон. Грубо говоря, нужно понять, где именно у нас эти самые помпейские пустоты. Куда бурить и закачивать.

– А-а, – протянул Федор Семенович. – И как мы будем это выяснять?

– Самым простым и надежным дедовским методом, – улыбнулся Дамиан. – Завтра к вам на яхту прилетит наш штатный психоаналитик. Он на подписке о неразглашении, так что говорить с ним можно не стесняясь. Процедура организована так – клиент лежит на кушетке,

а аналитик задает разные вопросы. И постепенно у него складывается общая картина... Та самая карта психики. Мы начинаем понимать, где остались ваши неутоленные желания, гейзеры ненависти, засорившиеся колодцы любви...

Дамиан сходил к бассейну за пластиковой табуреткой, поставил ее за изголовьем шезлонга, где возлежал Федор Семенович, и сел на нее.

– Он сядет вот так. Чтобы вы его не видели и могли полностью сосредоточиться на воспоминаниях.

– О чем? – спросил Федор Семенович.

– Начинать всегда надо с эроса. Особенно важны именно смутные, полуоформленные, ребяческие мечты. Детский сад, школа. Ни в коем случае не стесняйтесь. Рассказывать аналитику нужно все без утайки, иначе в процедуре нет никакого смысла... Он обязательно спросит – была ли у вас странная, неудобная, смешная детская любовь? Эротические мечты? Позывы?

Федор Семенович почувствовал приятную сонливость, не мешавшую, однако, думать и говорить.

– Была, – сказал он и вздохнул. – Была такая любовь. Таня... Танек...

– Ни слова больше, – сказал Дамиан. – Я же не аналитик. Я просто организатор производства. Все остальное расскажете специалисту.

1.2. Таня

Таня догадалась, что она красавица, уже к третьему классу школы. Это помог понять сосед по даче, отставной майор внутренних войск Герасим Степанович (она звала его «дядя Герасим») – грузный седой мужчина с красными глазами, казавшийся ей похожим на царя кроликов.

Дядя Герасим часто зазывал к себе Таню через символическую дыру в заборе – сперва на участок, где он любил подолгу ковыряться с тяпкой, а потом в дом, где угощал ее пряниками с чаем.

Во время чая, стыдась и краснея, словно он делал что-то очень нехорошее, царь кроликов надевал ей на голову кокошник в пластмассовых жемчужинах – головной убор советской снегурочки. После этого он складывал руки на груди и начинал немзыкально напевать песню из мультфильма про волка и зайца:

– Расскажи, снегурочка, где была! Расскажи-ка, милая, как дела!

Иногда он просил ее надеть такое же серое в жемчужинах платье, хранившееся у него вместе с кокошником с непонятной целью. Оно было велико Тане и пахло нафталином, но она соглашалась. Бывало и так, что он заводил музыку и просил ее потанцевать. Таня танцевать почти не умела, но Герасим Степанович всего-то хотел, чтобы она прошлась взад-вперед по комнате с белым платком в поднятой над головой руке.

Таня в те годы даже не подозревала о возможной опасности таких посиделок с пожилыми мужчинами, и ее родители, в общем, тоже. Дядя Герасим был другом дома и часто выпивал с отцом на праздники, так что Таня его не боялась.

Ничем недостойным или хотя бы двусмысленным эти игры с переодеваниями омрачены ни разу не были. Но глаза дяди Герасима временами начинали так странно блестеть, что Таня понимала – от нее исходит какая-то еще неясная ей самой сила, и сила эта смешно действует на людей.

Постепенно она стала догадываться, что все окружающие, кроме родителей, ценят ее на самом деле только за это непонятное качество, нестойкое и изменчивое, зависящее от множества обстоятельств. Словно бы она, Таня, была монетой, номинал которой мог меняться самым причудливым образом: без кокошника она была пятаком, а в кокошнике червонцем.

Эта же тема волновала всех остальных девочек. Ее иногда поднимали и на уроках.

Классная руководительница говорила о душевной красоте, невидимой глазу и значительно превосходящей привлекательность физическую, которая не так уж и важна («с лица воду не пить»).

Но при этом пить воду с ее собственного лица было опасно для жизни. Выщипанные в ниточку брови учительницы, жуткие лиловые тени на веках, карминовая помада на губах и прочие трогательно-беспомощные протезы этой самой физической привлекательности сообщали чуткому детскому уму, что взрослые опять врут.

Люди – это было ясно Тане еще с детского сада – имели товарную ценность, и даже в самых бескорыстных на первый взгляд дружеских отношениях как бы взаимно арендовали друг друга. Иногда они рассчитывались чем-то полезным, иногда собою.

Внутренняя красота, о которой говорила учительница, имела хождение, но спрос на нее был примерно такой же, как на елки после Нового года. Будь это иначе, на месте косметических кабинетов открывали бы салоны духа. А вот красоту внешнюю брали везде и сразу. Таня очень хорошо поняла, что нет ничего важнее этого загадочного невидимого кокошника, превращающего ее в снегурочку.

Опыт приходил быстро и часто бывал печален.

Сделать себя «красивее» было почти невозможно – чего не понимали не только безнадежные взрослые тетки, но и вполне вменяемые сверстницы.

Это доказывали собственные эксперименты с материнской косметикой. Раскрашенное и напудренное детское лицо вызывало смех и у взрослых, и у одноклассников. Зато в самые свои растрепанные и перепачканные минуты Таня нередко ловила на себе чужие глаза, полные памятного по дяде Герасиму кроличьего блеска, от которого так сладко и жутко делалось на душе...

Нет, красоту непросто было понять. Хотя каким-то таинственным законам она все же подчинялась.

Летом после шестого класса Таня наконец разгадала тайну. В потрепанной переводной книге, которую она читала на берегу моря, ей встретился древний афоризм: «красота в глазах смотрящего».

Ну конечно.

Это было так очевидно – и так невозможно понять самой! Красота была неуправляема просто потому, что не была ее собственным атрибутом или свойством – таким как загар, возраст, рост или цвет глаз. Нет, ее красота, как ни странно это звучало, была свойством тех людей, которым она нравилась.

Это не она, Таня, сама по себе была пятаком или червонцем. У нее не было никакого фиксированного номинала вообще. Но коллекционеры монет, населявшие мир, готовы были обменивать ее на разные суммы по непонятным для нее причинам. Повлиять на их выбор было трудно. Но на тех, кто принимал ее за червонец, она могла твердо рассчитывать.

К счастью, таких оказалось много: к монете «Таня» проявляли устойчивый интерес. В неформальном забеге школьных красавиц она год за годом приходила одной из первых.

Успех у сверстников, конечно, мало чего стоил – они были просто закомплексованные дурни. Но было много тайного, кредитоспособного и одновременно пугливого взрослого интереса.

Таня потеряла девственность после девятого класса, в том же приморском поселке, где когда-то прочла про глаза смотрящего и зарождающуюся в них красоту.

Это случилось после выпитой на двоих бутылки сухого – и было довольно нелепо, хоть и познавательно. Еще это было больно. Ее бойфренд (местный парень с темными усами, напоминавший ей мавра) непременно хотел воплотить в жизнь все порнографические клише и шаблоны, и Таня не особенно возражала, поскольку много раз видела на разных экранах тот же самый набор процедур. То, что в жизни все немного по-другому, понять она еще не успела.

Роман с *юсатъм ужанином*, как она один раз смешно оговорилась, продолжался месяц. Таня выяснила много нового о вселенной Дж. Р. Р. Толкиена и хорошо ознакомилась наконец с живущим в вечной тьме ужом, о котором столько шептались девчонки.

Мавр катал ее по морю на ветхой моторной лодке – Таня все время боялась пораниться о лежащий на ее днище якорь, похожий на обоюдоострый пыточный крюк с боковыми цеплялками для кишок. Этот жуткий сверкающий инструмент все время напоминал ей о первом любовном опыте, поэтому морские прогулки выходили очень сексуальными.

Тетка, у которой она жила, догадывалась о происходящем, но вела себя деликатно и в чужие дела не лезла.

– Твой первый тать, – сказала она с ухмылкой.

– Почему тать? – не поняла Таня.

– Ну ты же Татьяна. Значит, твой ухажер – тать.

Слово «тать», как Таня выяснила, означало банальное «вор». Она, значит, была воровская девчонка. А че...

После возвращения в Москву Таня стерла южный телефон – мавр сделал свое дело около сорока раз, и этого было довольно. Усатик, увы, был лузером в силу простого географического детерминизма. Как говорили в те годы по телевизору, «в провинции нормальных социальных трамплинов сегодня нет».

Мавр-толкиенист забылся сразу. Впереди у жизни была «только даль» – как пели в старой советской песне, которую еще крутили изредка на курортах.

Таня уезжала на юг золушкой, а вернулась инициированной принцессой, и колеса ее невидимой кареты весело застучали по московской мостовой.

Она, как все говорили, расцвела – в ней началась та неостановимая химическая реакция, которая сводит мужчин с ума и поддерживает жизнь на Земле: неуправляемый и быстротечный процесс, похожий на горение бенгальского огня.

Этот огонь бьет своими искрами во все стороны днем и ночью, зимой и летом, пока не догорит до конца. Ему не важно, что в стране кризис, ему наплевать, что у родителей нет денег, он не понимает, что через два года было бы лучше. Его нельзя заморозить – можно только погасить раньше срока.

Таня много читала. Чем пошлее были описания «мимолетного цветка красоты» в программирующей патриархальной прозе (почему-то звавшейся «женскими романами»), чем отвратительнее казалась безответная покорность, привитая их героиням в качестве «вечной женской мудрости», тем яснее было, что ничего со всем этим поделать нельзя. Во всяком случае, в обозримой перспективе.

Поезд, на который брали только красивых, был реальностью; можно было ехать на нем – или нет. Строить новую железнодорожную ветку в ледяной русской пустыне было благородно, но как-то зябко. Природа спешила, и приходилось спешить следом.

Все Танины сюжеты, где происходило что-то серьезное («мокрые дела», как говорила подруга), завязывались и кончались за пределами школы. Мальчики в классе засматривались на нее, но понимали, что им ничего не светит: Таню дожидались у школы такие иномарки, которым не стоило царапать бампер даже взглядом. Страна переходила на рыночные рельсы, и Таня, в отличие от болтунов-взрослых, действительно готова была на них лечь.

Хоть в классе к ней не приставали, у Тани, как у каждой серьезной школьной красавицы, был личный рыцарь печального образа, свой Пьеро, тайно истекающий клюквенным соком в своей каморке. В третьем классе он целый год сидел с ней за одной партией и никак не мог этого забыть.

Этого Пьеро звали Федя. В число школьных альф он не входил. Совсем уж последней омегой тоже не был – его место было в конце греческого алфавита, где-то между презрительным «фи», издевательским «хи» и чокнутым «пси».

Федя был долговязым худым очкариком. Он рано вытянулся, но израсходовал на этот подвиг все ресурсы и поэтому не отличался силой, несмотря на рост. Учился он средне – успевал по математике и английскому, но прогуливал биологию и химию. Любил читать книги про физиков, но по самой физике имел трояк.

Ни с кем в школе он особо не дружил, если не считать воскресного преферанса с такими же подрастающими фи-самцами. Преферанс сопровождался винопитием.

Ухаживания Феде были странными и болезненными и могли бы много раз стоить ему всех передних зубов, если бы Таня принимала их всерьез.

Несколько раз он, напившись, звонил ей домой и заплетающимся языком выяснял, что задали по английскому и чему-то там еще. Однажды на перемене он грубо и очень конкретно облапал ее во время шутилой борьбы за пластиковую тарелку-фрисби. Таня предпочла сделать вид, что ничего не заметила. Иногда он сидел на лавке возле школы, дожидаясь, когда она выйдет, и шел следом, не подходя слишком близко.

Как-то раз на овощной базе, куда весь класс вывезли для сортировочных работ, он даже попытался ее поцеловать – был осенний мокрый вечер, перед этим хорошо выпили, и это было похоже на шутку. Таня, смеясь, отбилась.

При этом Федя не делал никаких попыток всерьез подружиться или сблизиться с ней нормальным человеческим образом – что совсем не казалось Тане удивительным.

Она хорошо знала, что у большинства сверстников рот и мозги все еще склеены пубертатными швами, превращающими их в глупых хамов и задир. Девочки уже давно были большими, а мальчики все еще оставались маленькими.

Таня догадывалась, что это своего рода защитная скорлупа, внутри которой они продолжают развиваться – «мужчина» вылуплялся из куколки значительно позже, часто уже после армии (большинству ее новых друзей было уже нормально за двадцать).

Хоть Федя не делал (и очень правильно) попыток серьезно за ней приударить, Таня постоянно чувствовала горячий луч его внимания, упертый в ее спину. Когда дела на личном фронте складывались кисло, это тепло даже грело, напоминая, какой у ее червонца высокий обменный курс.

Были, конечно, в этих полуотношениях и неприятные моменты. Если не считать пьяных Фединых звонков, самый неловкий, двусмысленный и смешной случай произошел в десятом классе на картошке.

В совхозе («музей гулага», как его называли в уже вдохнувшем свободы классе) было весело. Картофельные работы походили на чуть подпорченные каникулы, продленные в бабье лето: умеренно выпивали, слушали музыку, играли в карты. Несколько часов грядко-майнинга в поле утомляли не слишком.

Правда, иногда на сутки или двое отключали воду (шутили, что у водопроводчиков своя картошка), и тогда приходилось мыться по одному в перегороденной бане, где на каждой половине стояло по огромному баку с водой – для мальчиков и для девочек. Чтобы не одеваться и не раздеваться лишней раз, в баню ходили налегке, иногда просто заворачиваясь в полотенце.

Таня предпочитала надевать на эту короткую прогулку модный купальник, для которого той осенью все равно не нашлось другого применения – и уже поверх него оборачивалась в тропическое желтое полотенце с пальмами.

Однажды, отправившись в баню, она встретила у входа Федю. Тот выглядел смешно: на нем был дурацкий слесарный халат синего цвета (совхоз получал их по бартеру – такие выдали всем мальчикам) и красные тапки на босу ногу. Халат был застегнут на одну пуговицу, и под ним была видна бледная грудь. Словно стараясь сделать себя еще более жалким, Федя быстро курил. Заметив ее, он сразу отвернулся.

Таня вошла в баню и стала мыться. Она уже почти заканчивала, когда на мальчиковой стороне за сделанной из старых теннисных столов перегородкой раздался звонкий грохот тазов и шаек, рушащихся на пол.

Таня поняла, что Федя подглядывал за ней сквозь щель между столами – и повалился со своих подпорок. Эта мысль ее и рассмешила, и напугала. А вдруг он сейчас возьмет и... Вряд ли, конечно, но девки говорят, что когда у них спермотоксикоз, они совсем безумные.

Когда Таня вышла из бани, уже начинало темнеть. Федя околачивался на том же месте, где курил полчаса назад. Он явно ее ждал, это Таня ощутила сразу.

Он глядел на нее с выражением торжества и счастья на лице – и это было так странно, что от неожиданности и шока Таня остановилась. Тогда написанное на Федином лице торжество превратилось в какое-то мучительное умиление, и он, все еще глядя ей в глаза, поднял руки, сжал в них лацканы своего халата – и потянул их в стороны, словно борясь с желанием сорвать с себя эту синюю тряпку и сделать что-то невероятное, небывалое...

Этот незавершенный жест был немного похож на классическое «стреляй, фашистская курва» из фильмов про войну, но вместо «стреляй» просился другой глагол.

Таня пришла в себя – и пулей помчалась к спальному барaku. У дверей она остановилась. Страх прошел, и ее теперь разбирал смех. Что-то случилось, но непонятно было, что именно и как про это рассказать девкам.

Федя сделал что-то? Вроде нет. Руками не трогал. Ни ее, ни себя. Просто стоял у бани, держась за слесарные лацканы.

Но в том и дело, что он не просто так стоял. Очень не просто... Это было очевидно, но как такое объяснишь? Да и на что жаловаться? Борьба космических сил в душе уголовным кодексом не преследуется. Даже когда отчетливо отражается на лице. Смешной мальчик, да. Вид у него был такой, словно он удерживает скакуна.

Решив никому ничего не говорить, Таня легла спать.

Вроде бы плюнуть и забыть – но почему-то это событие сильно повлияло на Федю, и эффект ощущался еще несколько месяцев. Он стал краснеть всякий раз, когда она смотрела в его сторону. Избегал встречаться с ней даже взглядом. Постепенно неловкость затерлась, но после этого они ни разу, кажется, толком не поговорили.

А потом школа кончилась, и началась совсем другая жизнь.

Личная.

Три года прошли как во сне. Снег, музыка, разбавленный аптечной дрянью кокаин, далекие выстрелы ночью (от этого звука всегда хмурились ее сильные взрослые друзья).

Таня сменила нескольких бандитов. Они горели так же неостановимо и ярко, как бенгальский огонь ее собственной красоты. Страшно и весело было катить вместе с ними по жизни в золотых тачанках.

Бандюки были по-звериному – не в эстетическом, а в гормональном смысле – красивы. В них было что-то настоящее, жмущее на все женские клапаны и пружины сразу. Крутой мужик убивает других мужиков. Крутая телка с ним после этого спит: древний женский способ соучастия в убийстве. И две тысячи лет война, война без особых причин, звезда по имени солнце и группа крови на рукаве.

Когда кукушка оформила ее третьего быка, Таня немного протрезвела. Беднягу сожгли в машине без всякой самурайской романтики – в багажнике, как старую покрышку. Она вполне могла оказаться рядом. Другие девки попадали.

Времена быстро менялись, и кукушку лучше было не провоцировать. Пора было думать о карьере и наводиться на более высокую социальную страту.

Через несколько месяцев, после пары унижительных кастингов, Таня оказалась в одном из гаремов Отари Квантришвили. Солярий, бассейн, неприятные восточные люди, веселое ментовское начальство, рожи из телевизора, кабинеты, сауны, салон, массаж, Бали, опять сауны, человек, похожий на... (сразу забыть, понятно?), много валюты. Даже норковая шуба.

На фоне палаток со спиртом «Рояль» это казалось успехом, но постепенно Таня стала понимать, что даже самое интимное общение с богатыми высокопоставленными мужчинами не обязательно поднимает женщину в социальном плане. Скорее наоборот.

Как-то раз жена одного из клиентов лично приехала в гостиницу «Советская» за упившимся до синевы мужем, и в процессе передачи тела Таня услышала от нее не только подробный анализ своей общественной роли, но и бизнес-прогноз на ближайшие годы. Некоторых замысловатых бранных эпитетов она никогда раньше не слышала. Но обидным было другое – прогноз начал сбываться немедленно после произнесения, словно был на самом деле проклятием.

Отари Квантришвили застрелили. На выходе из символической бани, как грустно отметила Таня, вспомнив школьного дурачка Федю.

На лице Отари Витальевича было много веселых морщин, похожих на русла рек; при большом увеличении можно было разглядеть выстроенные на их берегах поселки коттеджного типа. В одном из них и жила Таня. Но когда Отари Витальевич умер, морщины разгладились, волшебная страна исчезла, и сразу много одалисок в норковых шубах оказались на холодной московской улице.

Тане опять повезло. Ее взял на содержание один из богатых клиентов – муниципальный чиновник, связанный с какими-то строительными разрешениями. У него была жена с детьми, и он ужасно боялся скандалов, потому что для бюрократа его ранга такие вещи были смертельны: московское начальство воровало крестьян, жертвовало на храмы, и нарушения венчальных обетов Лужков мог не понять.

Чиновника звали Игорь Андреевич. Таня так его и называла – из-за разницы в возрасте, и еще для того, чтобы появлялась возможность перейти иногда на страстное и задышающееся «Игорь» (за которое Игорю Андреевичу, чтобы не расслаблялся, в следующий раз приходилось биться вновь).

Игорь Андреевич организовал Тане приличную квартиру в центре, обставил ее по последнему слову пошлости и даже прикрепил к Тане домработницу, следившую за едой в холодильнике и чистотой постельного белья.

Следующие четыре года Таня прожила почти счастливо. Во всяком случае, комфортно и спокойно. Игорь Андреевич не напрягал. Она не напрягала его тоже, без сцен и слез сделав два аборта.

Он не был ее единственным клиентом – у Тани были и другие контакты, оставшиеся со времен Отари Витальевича. Но в снятую для нее квартиру она никого, конечно, не водила.

На выходные Игорь Андреевич был занят с семьей. Он приезжал обычно в будни, часов в девять-десять утра, выкроив время между домашним завтраком и дневным совещанием в мэрии (он называл такую утреннюю встречу «переходом через Альпы»).

В полуосвещенной спальне его ждала кровать под балдахином с геральдикой, фальшивый мушкет на стене, электрокамин с мигающими красными огоньками и глухая штора на окне – все это почти превращало зимнее московское утро в условный альпийский вечерок.

– Кто я для тебя? – спросил он как-то.

Таня вспомнила черноморскую тетку – и нашлась.

– Ты тать.

Игорь Андреевич сделал круглые глаза.

– Почему?

– Ну я же Татьяна. Значит, ты тать.

– Хорошо, ты не Лена, – сказал Игорь Андреевич. – Меня бы тогда в мавзолее потрошили. Но ответ ему, похоже, понравился.

Игорь Андреевич переходил через Альпы каждую неделю два раза, почти всегда с трудностями. Проблему вполне можно было решить гуманитарными методами – но Таня инстинктом чувствовала, что быть с Игорем Андреевичем чересчур уступчивой и ласковой не следует, потому что ему в этом спорте важнее всего именно Альпы, то есть победа над враждебной стихией, которую олицетворяло молодое женское тело.

Тать платил вовсе не за нежность.

Он платил за то, чтобы с кудяхтаньем топтать младое незнакомое племя, ждущее перемен – и она, Таня, была просто послем этого племени. Единственным, что могло как-то примирить Игоря Андреевича со старостью, была символическая победа над чужой юностью, поэтому, чтобы правильно подыграть ему, следовало всячески поднимать цену и престиж этого подвига.

Недостаточно было требовать дорогих подарков – кидать монеты в щелку киски-копилки любому клиенту надоедает быстро, Таня помнила это по «Советской». Важно было постоянно модифицировать сам «переход через Альпы», поддерживая изумление Игоря Андреевича, а для этого нужна была поистине суворовская смекалка.

Таня хмурилась, сопротивлялась, постанывала, недовольно морщилась, как бы вырывалась из его рук на свободу – но, разумеется, только после того, как войска Игоря Андреевича уже кое-как проникали в долину, и конфузия его знаменам не грозила. Игорь Андреевич не на шутку заводился, начинал шумно дышать и одерживал очередной блицкриг.

Объяснить кому-нибудь принципы высокогорного боя Таня вряд ли смогла бы, потому что не формулировала их даже для себя. Единственным приближением к такой формулировке была одна часто мелькавшая у нее мысль:

«Вот кошка. Живет с человеком всю долгую кошачью жизнь – и ухитряется сохранить его интерес до самого последнего дня. А почему? Красивая, загадочная, очень мало говорит, много царапает, и, самое главное, безошибочно знает, когда царапнуть, а когда прыгнуть на колени...»

Таня понимала мужскую сексуальность образно. Ей иногда вспоминалась картинка из книги про динозавров: бугристый кружок земли, где стоят мальчик и девочка, а под ними – разрез земной толщи со скелетами мастодонтов и ящеров.

У каждого мужика под землей были свои скелеты, и часто они выпирали из почвы. Пытаться понять, что именно там зарыто, было себе дороже – важно было выяснить, куда нельзя ставить ногу.

Игорь Андреевич в геологическом смысле был ровным и малоинтересным плато: под Таниной туфлей были меловые отложения, миллиарды окаменевших улиток. Ему важно было знать, что у него молодая, дорогая и красивая любовница из таинственного поколения перемен. Других костей там не было.

Таня сделала в хорошем салоне несколько абстрактных татуировок на руках и плече. Когда Игорь Андреевич попросил объяснить их смысл, она ответила так:

– Ну это молодежное. Мировоззренческое. Кто в теме, втыкается сразу.

Она телепатически чувствовала, что требуется стареющему сожителю. У нее появилась косуха с острыми шипами на вороте и плечах. Она сделала себе панковскую стрижку под мальчика-зомби. Стала заводить Игорю Андреевичу противную экспериментальную музыку – он это даже приветствовал, если та играла тихо. Купила себе японскую шелковую пижаму в виде школьной матроски с отложным воротником. Делала на огурцах и бананах упражнения для языка и щек. В общем, на альпийском фронте шли бои, и Игорь Андреевич молодел с каждым днем.

Бросил он ее неожиданно, сославшись на проблемы с семьей и здоровьем. Он оказался неплохим человеком: квартиру, где Таня так уютно прижилась, он ей просто подарил, но с условием никогда больше не всплывать в его жизни.

Таня через некоторое время выяснила, что у него новая любовница. Моложе ее на четыре года.

Это был, конечно, удар, хоть и смягченный трофейными метрами. Таня долго пьянствовала – сначала с подругами, потом одна. Ей даже казалось несколько дней, что она его любит и страдает от разлуки. Придя в себя и отоспавшись, она заметила, что у нее не порядок с бровями.

На самом деле началось это давно.

Что-то с бровями случилось еще два года назад, но все время казалось, что если чуть подправить их по контуру, проблема уйдет. Она вроде бы и уходила – особенно после хорошего салона. Затем появлялась опять, и снова исчезала.

В салон с распухшей рожей идти было стыдно, и Таня решила подправить брови сама. Потом ей снова захотелось выпить.

Поглядев в зеркало на следующее утро, она отшатнулась.

Оттуда смотрела усталая испитая тетка с тонкими ниточками выщипанных бровей – какие бывают у проблемных женщин среднего возраста (ищут способа сделать себе больно, объяснил в журнале один психолог, но не решаются на пирсинг). Такие же брови, вспомнила Таня, были у училки с карминовыми губами и лиловыми веками, которая говорила про внутреннюю красоту...

Существо в зеркале даже не казалось особенно молодым. Нет, понятно было, что ему двадцать с чем-то – но это не были юные двадцать. Они были, как выражался классик, второй свежести.

Бенгальский огонь погас.

Ну или почти погас – можно было, конечно, отоспаться и отдохнуть, постепенно привести себя в порядок, дожждаться, когда брови отрастут, сбросить три кило и запалить огрызок снова. При правильном питании искр и треска могло хватить еще лет на пять, а то и на все десять.

Но сейчас Таня отчетливо видела в зеркале будущее. Загадочная точка «Б», про которую столько говорили на уроках физики, впервые показалась из тумана и перестала быть абстракцией.

У нее было припрятано несколько амстердамских таблеток с пронзенным стрелой сердечком – на случай, если Игорю Андреевичу захочется окончательной бури. Она съела сразу три, нацепила наушники с музыкой и легла в ванну, собираясь то ли умереть, то ли уехать к маме (с которой, после особенно мучительного скандала, не говорила уже три года). Умереть не удалось, но Таня посетила много разных мест у себя внутри, и кое-что открылось ей в видении.

Ей вспомнилось то школьное лето, когда она, бросив в волны своего первого мавра, возвращалась в Москву, чуточку нервничая, что чары вот-вот рассеются и все окажется по-прежнему. Она была молодой, невозможно молодой – и такой красивой...

Ах, великое чудо красоты!

У красавицы есть волшебная карета, несущая ее по недоступным для остальных маршрутам. Карета везет ее от одного праздника к другому, вокруг льется шампанское и лопаются звезды фейерверков – а к подножке склоняются господа этого мира, часто готовые расстаться ради красавицы не только с деньгами, но и... ну, не с жизнью, положим, но с очень большими деньгами тоже.

Без всяких усилий красавица взмывает по крутейшему подъему в одно пространство с королями, миллиардерами и мировыми звездами – и смело катит по нему в своем магическом

экипаже, зная, что она тут по праву: ландшафтные парки, сказочные фонтаны и заколдованные дворцы существуют именно для нее.

Но у волшебной кареты есть один мрачный секрет. С каждым ударом часов она становится чуть больше похожа на тыкву. Сперва про это знает только сама красавица, но постепенно постыдную трансформацию начинают замечать другие. И чем больше людей это видит, тем меньше шлагбаумов поднимается перед каретой.

И в какой-то момент они перестают подниматься совсем. Карета становится тем, чем была с самого начала – тыквой, катящейся по земле к утилизационному рву в компании других несвежих и побитых жизнью овощей.

И происходит это всего за несколько лет. Путешественница успевает увидеть, как пожилые принцы в белых рейтузах начинают свой порочный танец вокруг свежих тыкв, которым еще очень далеко – как им пока кажется – до рва. А потом все скрывает кривизна земли.

И никто, никто не спасет красавицу от этой судьбы – просто потому, что после завершения бенгальской реакции уже не останется красавицы, которую можно спасти.

Это было бы поистине страшно, если бы в тыкве все еще сидело то трепетное и гордое существо, что въезжало когда-то в сказку на волшебной карете. Но природа милосердна: душа меняется вместе с тыквой. И, докатившись до рва, тыква уже не будет ни жалеть, ни роптать, а только радоваться, если удалось сберечь несколько медяков.

Слезы капали в ванну, но Таня не роптала. У нее хотя бы осталась квартира... Она подняла с пола женский журнал, положила на мокрые колени и проглядела его словно бы впервые протрезвевшими глазами.

Сахар прекрасно отшелушивает кожу. Смешайте в равных количествах белый и коричневый сахар с небольшим количеством воды. Аккуратно проскрабируйте этой смесью лицо в течение 3–4 минут и смойте теплой водой. Этот способ не только отшелушивает кожу, но и делает ее сияющей и молодой.

Ага, спасибо. Какие советы этот мир дает молодой женщине? К чему склоняет ее пылкий романтичный ум? К цинизму, думала Таня, к бесстыдной торговле. Мир дает советы, как перед продажей подкрасить кобылу купленной в лавке тушью... Причем цыган давно расстреляли фашисты, и кобыле приходится продавать себя самой.

За каждым успешным мужчиной стоит любовь женщины. За каждой успешной женщиной стоит предательство мужчины.

Наткнувшись на эту мудрость, Таня заплакала и позволила журналу сползти в уже прохладную воду. Вот только это и имело, пожалуй, смысл – стать вопреки всему успешной женщиной. Не через чей-то морщинистый елдак, а с нуля, самой.

На самом деле было не очень понятно, что такое «успешная женщина». Успешная в каком смысле? И кто вообще выносит вердикт о женском успехе?

Таня думала об этом несколько дней. В ее голове дрожало и переливалось смысловое зарево: как бы центральный клип в окружении множества других клипов.

Центральный клип был про нее. Она видела себя в образе бизнесвумен в строгом темном жакете (с узкими лацканами, низким вырезом, одной серебряной пуговицей в районе пупка и без бюстгалтера – так что грудь была одновременно скрыта лацканами и наполовину обнажена, и еще приятно приплющена, что визуально увеличивало ее упругость и объем).

Сюжеты, разворачивавшиеся вокруг центрального клипа, были банальны вечной глянцевой банальностью. Морские виллы, яхты, умные молодые референты...

Пошлость собственной мечты была так заметна, что Таня понимала: даже мечтать и горевать ей приходится закачанными в голову штампами, и по-другому не может быть, потому что через все женские головы на планете давно проложена ржавая узкоколейка, и эти мысли – вовсе не ее собственные надежды, а просто грохочущий у нее в мозгу коммерческий товарняк.

Словно бы на самом деле думала и мечтала не она, а в пустом осеннем сквере горела на стене дома огромная панель, показывая равнодушным жирным воронам рекламу бюджетной косметики.

Это неожиданное направление в мыслях было похоже на лаз, уходящий далеко в темноту – но Таня даже не представляла, куда он ведет. Она уснула.

С утра она уже не помнила ничего о своих пьяных прозрениях. Она решила поступать на юридический.

Поступить удалось через пять лет, и то на вечерний.

К этому времени Таня успела сменить три работы и двух татей. Теперь она трудилась в оптическом салоне и носила модные очки с простыми стеклами – они чуть молодили лицо, поднимая скулы (не то чтобы это было очень нужно, но все-таки).

Институт, даже вечерний, оказался чрезвычайно полезным для личностного роста. Дело было не в изучаемом материале, конечно, а в общении с людьми. Через людей дули свежие смысловые сквозняки.

Таня поняла наконец, чего ей не хватало все эти годы. Не «ума» (бог его знает, что это вообще такое) и не «образования» (еще непонятней), а того заветного набора правильных слов, которые делают человека «продвинутым» и превращают лоховатую кису в светскую львицу.

Если бы этот набор со всеми его вспомогательными стразами, крючками и шпильками установили ей в голову лет в восемнадцать-двадцать, все могло бы сложиться иначе. Из «Советской» можно было выписаться с совсем другим уловом. И Игорь Андреевич ее не бросил бы – это она, уходя на повышение, олимпийски метнула бы его, как древний грек прыжковые гантели. И вместо квартиры сейчас был бы трехэтажный дом на Рублевке.

Теперь Таня знала, что красоте нужна не только оправка, но и легенда. И если оправка – это просто одежда, макияж и bling¹, то легенда – это способность создавать вокруг себя романтическое загадочное облако.

Ну нельзя в двадцать первом веке быть простушкой и дурочкой, нельзя. Косметика в наше время бывает внешняя и внутренняя – первая продается в любом торговом центре, вторую нужно годами добывать самой: невозможно предугадать, что из услышанного и усвоенного пригодится, отразится, засверкает и ослепит.

Словом, институт развивал личность – хотя, возможно, не совсем так, как планировали в министерстве. Даже учебный материал мог быть иногда полезен: он приятно заполнял пустую после работы голову и поднимал общую эрудицию. Преподаватели скучнейших гуманитарных дисциплин иногда выдавали такое, что Таня обмирала.

– Можно понять римлян первого века, этих усталых и гордых стойков, – говорил бородач на семинаре по истории религий. – Вот представьте – вы всю жизнь приучаете себя достойно жить среди безобразного абсурда и умирать не ропща, с равнодушным презрением к судьбе... Примериваетесь понемногу, как будете вскрывать жилы в ванне... И тут к вам в околоток приводят еврейского дебошира, который говорит – а Бог-то это я, я... Это я все так придумал и устроил, я за все отвечаю...

¹ Цацки.

И он обводил пространство дирижерским жестом рук, в конце разводя их как для распятия.

Таню такие эскапады смешили, но не радовали. Не то чтобы она слишком уж трепетно относилась к христианству. Но, как она смутно чувствовала, в старой России – даже и в советской – можно было попытаться разжалобить убийцу или вора, напомнив ему про крест на груди. Ну снимем мы этот крест, допустим. И про что тогда будем напоминать мучителю? Про либеральные ценности?

А на следующей паре старушка-лекторша, перешедшая с истории КПСС на культуроведение, уже объясняла культурную ситуацию в США:

– Вы должны понимать, друзья мои, что в современной Америке всем заведуют неокконы, то есть бывшие троцкисты. Все, что говорил и думал Лейба Бронштейн – для них как евангелие, и они неукоснительно воплощают это в жизнь. Вот, например, знаменитая максима Троцкого времен Брестского мира: «Ни мира, ни войны, а армию распустить...» С войной и миром неокконы уже разобрались. Сегодня, как вы знаете, ни того, ни другого нет. Есть мир с элементами войны и война с элементами мира. А вот насчет «армию распустить», – старушка ласково поднимала палец, – вышла неувязочка. Нынешние неокконы по-русски не говорят и Троцкого изучают в переводе. Им, видимо, неправильно перевели, и они решили, что «распустить» означает «растлить». Отсюда и мужеложество, постепенно внедряемое в войсках. Трудно, конечно, но при серьезном финансовом ресурсе осуществимо...

Образование – во всяком случае, его социально полезная часть – состояло вовсе не из профессиональных знаний, а из подобных двусмысленных и ярких блесков, прилипающих к стенкам души.

Их и нужно было скормливать в свое время Игорю Андреевичу вместо «мировоззренческих татуировок». Это и было современным девичьим приданым – модными перинами и наволочками духа, тем самым, чем сосущая за хабаровск дуреха отличается от... нет, даже не просто дорогой женщины, а такой, с которой разговор о цене вообще неуместен, потому что вести его будет через много лет специальный лондонский адвокат.

Ну почему, почему мы все понимаем так поздно?

«Мужика надо брать мерцанием, – думала Таня, – а не силиконовыми буферами. И еще, конечно, женщина должна быть не ворчащей подстилкой, а психологом и другом – понимать мужские проблемы и каждый раз приходить на помощь...»

На текущего татя, впрочем, эти высокие инсайты не распространялись – он таких пилотажей не заслуживал. Он был вялой омегой: зарабатывал меньше, жил у нее, то есть уступал по всем социальным параметрам. Но в него приятно было иногда погружать когти, ворчливо напоминая об этих обстоятельствах, а он покорно молчал – и если это не женский успех, то что тогда?

Летом ездили отдыхать в Турцию, зимой катались на горных лыжах, и было уже ясно, что лучше не станет. Один раз из Турции вернулись порознь.

Жизнь проходила мимо, быстро и безжалостно.

Кризис среднего возраста, поняла Таня, это когда тебе сороковник, а ты живешь одна, едешь в метро и работаешь дипломированным счетоводом – даже если платежная ведомость называет это по-другому... И зачем теперь духовно расти, если этого уже никому не впарить?

Она завязала с женскими романами и взялась за психологический научпоп. Особенно ее утешали пассажи про относительность таких понятий как «успех» и «неудача» – их она перечитывала по два раза.

О прочитанном в метро (почти два часа каждый день) она вспоминала, расслабляясь в вечерней ванне. Теплый соляной раствор наводил сны почти как от амстердамских таблеток, только не такие тревожные: когда она засыпала, в ней просыпался какой-то другой ум, большой, спокойный и ясный. Патентованная мудрость успокаивала.

...психологи доказали, что «успех» как непосредственное внутреннее переживание редок и длится всего несколько секунд... (но можно хитрыми домашними средствами создать его устойчивый образ, додумывала во сне Таня, чтобы соседям по вагону казалось, будто жизнь прошла мимо них и прямо через тебя).

...разве может жизнь пройти мимо или не мимо? Глупо даже ставить таким образом вопрос.

Да, соглашалась Таня, просыпаясь – это не жизнь проходит, это мы просачиваемся сквозь нее, как капельки пота сквозь ромашковую маску, и стекаем в таинственный резервуар, который столько веков пытаются приватизировать разные люди в прикольных шапочках.

Говорят, в нас продолжают жить наши предки. Но почему тогда нам так одиноко? Эх, предки, предки... Let's be alone together², как пел басовитый канадский коэн.

Почти все одноклассники оставили в интернете какой-то след. Большинство до сих пор искало ежика в тумане, двое умерло, несколько уехало.

Задрот-троечник Миша Дросов ежемесячно постил свои загорелые фотки на фоне калифорнийских холмов. Надя Рыжикова стала балериной – выступала одно время на подтанцовке у квартета «Летающие», потом снялась в хореографическом хорроре «Плохой Мазок», а дальше ее, кажется, взяли замуж богатые турецкие люди.

Серьезно из класса поднялся только один человек – из-за него, собственно, у Тани и возник интерес к остальным.

Но про Федю слухи доходили уже давно.

Теперь он был Федором Семеновичем, носил очки и галстук, и на ушлепка не походил совершенно. В бизнес-периодике его называли «правой рукой Рината Сулейманова», одного из серьезных форбсовских богачей.

Когда Таня впервые наткнулась на такую формулировку, ей представилось, что этот Ринат – какое-то грозное демоническое существо, у которого каждая рука и нога обладают отдельным сознанием и собственной алчной волей.

Правая рука Рината загребла уже многое. У Феде были доли в торговых сетях, агропроме, гостиничном бизнесе и даже в паре банков (один, правда, уже санировали). Последней его инвестицией была сеть охотничьих ресторанов «Вино и колбаса». Своего миллиарда у него не было (хоть оставалось немного), но в нижнюю часть разных списков и рейтингов он входил.

Сайты с компроматом приписывали ему судимость и даже короткую отсидку. Сажали его, как Таня поняла, по двусмысленной экономической статье, и на его месте мог оказаться любой первоначальный накопленец. Дело было быстро пересмотрено, обвинения сняты, и после этого начался неудержимый Федин взлет.

Фактической информации на этих сайтах было мало – зато со слухами был полный порядок. По этим слухам, возвышению Феде способствовала довольно комичная история.

Давным-давно, еще во времена залоговых аукционов, его нынешний партнер Ринат спешил однажды вечером на самую важную в России дачу, где за шашлыком должна была решаться его финансовая судьба.

² Давай будем одиноки вместе.

Штатный шашлычник семьи был в это время в Лондоне – но Ринат обещал собравшимся, что привезет все необходимое и сделает такой шашлычок, которого никто из них прежде даже не нюхал.

Ему самолетом доставили с гор нежнейшее мясо юного барашка, замаринованное очень особым образом. Он взял с собой специальные дрова для костра, особую угольную смесь, бутылочку настоящего на можжевельнике спирта для растопки, чтобы конечный продукт не портила даже тень, даже эхо какого-нибудь неблагородного запаха. Предусмотрено было все.

Кроме одного – он забыл шампуры. Stupid fucking people³, как говорил доктор Фрейд.

На бизнес-инструменты штатного шашлычника надежды не было, потому что тот хранил их дома и каждый раз привозил с собой, именно с той целью, чтобы шашлычок мало-помалу не начали делать без него.

Было уже десять часов вечера. До заветной дачи оставалось пятнадцать минут езды, а встреча была назначена на десять тридцать. Рвануть в какое-нибудь ночное сельпо физически не было времени. Ринат запаниковал – но тут же взял себя в руки, взвесил шансы и решил не сдаваться без боя.

Он выставил аварийный знак, вышел на дорогу и стал спрашивать притормаживающих водителей, нет ли у них с собой шампуров. Шанс был ничтожен: за пятнадцать минут остановилось только трое, остальных возбужденно прыгающий на дороге Ринат, видимо, пугал. Он уже почти попрощался со своей мечтой – и тут рядом затормозил Федор Семенович на своей копейке.

Выслушав странную просьбу, он вылез из машины, подошел к багажнику и молча протянул Ринату комплект завернутых в брезент шампуров. Ринат успел лишь коротко поблагодарить своего спасителя и сунуть ему бумажку со своим номером – пора было мчаться на дачу.

Он приехал вовремя, и все прошло феерично. Шашлык понравился, Ринат тоже – и волновая функция была схлопнута самым благоприятным для него образом. Но таинственный спаситель все не звонил и не звонил, и неспособность воздать ему добром за добро долго мучила Рината на пути к сияющим вершинам.

Потом Ринат все же напал на след своего благодетеля, и, когда Федя вышел, взял его в дело, подняв за пару лет сразу до партнера.

Неизвестно было, конечно, правда это или нет – про кого из героев девяностых годов не рассказывали подобных сказок? Но Фебина яхта называлась «Skewer», то есть «Шампур».

Дело, конечно, могло обстоять с точностью до наоборот: вся эта легенда могла появиться именно из-за названия «Skewer», которым яхта была обязана своему стремительному тонкому силуэту. В общем, непонятки.

Женат Федя все еще не был и регулярно появлялся в списках лучших женихов России, что вызывало в Тане противные спазмы ревности.

Постепенно она собрала целую коллекцию его фотографий. На одной Федя был похож на себя в детстве – наверно, из-за ракурса, скрывшего морщины. Он был снят на той самой яхте «Skewer» (положим, не самой большой в мире, но самой настоящей океанской лодке), в белой капитанской фуражке. Улыбка показывала, что он иронизирует – немного над собой, немного над фуражкой, немного над зрителем.

Таня распечатывала найденные в сети снимки на цветном принтере в офисе – и вешала их дома на пробковую доску, иногда прищипливая рядом записку с коротким комментарием. Такая доска, символизирующая поставленную цель, называлась в психологической литературе vision board: Таня знала из какого-то журнала, что очень полезно все время иметь ее перед глазами и помнить о главном.

³ Глупые бедные люди.

Она помнила – и на доске все время появлялись новые фото. Ее квартира постепенно стала напоминать штаб киллерского синдиката: казалось, из кухни вот-вот выйдет татуированная Анджелина Джоли, поправит «глок» на худой ляжке, похвастается тремя трупами и заговорит о проблемах меньшинств.

Девочки в молодости глупые, усмехалась Таня с высоты своего жизненного опыта. Вернее, глупы не они – глупа природа и ее инструменты отбора, устаревшие минимум десять тысяч лет назад (для эволюции это доля секунды, но от этого ведь не легче).

Юные красавицы подчиняются древнейшим зонам мозга. Они честно выбирают молодого самца с самыми длинными рогами, самым алым задом или самыми голубыми чешуйками на гребне, а потом выясняется, что генетический суфлер был полный мудака и девушке достался бык из спального района, сын уволенного прокурора на папином поршаке или непризнанный гений стиля с личным каналом на ютубе.

Все метки и знаки были на месте, все инстинкты сказали «да» – и вот... Но как было заглянуть в будущее сквозь галлюцинации и дурманы юности? Таких технологий природа, увы, не успела создать: второсигнальная эра еще слишком коротка, чтобы хоть как-то отпечататься в эволюционной механике.

Кроме Фединых фотографий, Таня зачем-то собирала снимки олигархов с женами, и скоро под них потребовалась вторая vision board. Фотографии были очень разными, но во всем своем многообразии четко делились на два типа.

Жены на них были либо трофейными, либо кармическими.

Трофейные жены были молоды, имели, как правило, большую грудь (не зря ведь олигархическое измерение начинается при переходе от «лимонов» к «арбузам») – но на вкус Тани совсем не были красивы.

Вернее, их красота была фальшивой и претенциозно-формальной, как у пошлых стихов с идеальными рифмами. По отдельности все эти носы, голени, плечи, глаза, животы и уши выглядели безукоризненно, но соединение частей в целое не давало нового качества. Фотографии показывали ухоженное женское тело с высокой капитализацией, соответствующее строжайшим стандартам патриархального сексизма, и больше сказать было нечего.

Олигархи на этих снимках имели такой вид, словно позировали рядом с суперкаром или бизнес-джетом – что, собственно, и расставляло последние точки над «ё»: ситуация была понятной и по-своему честной. Таня тоже имела когда-то шанс, но время было мерзкое и пришлось сыграть по-мелкому.

А вот кармические жены... Это было другое.

Они выходили не за олигарха, они в свое время поверили в своего ушлепка Федю, сделали ставку на голимое «зеро», и им прикатила удача.

Кармические жены были старыми, толстыми, непривлекательными, дорого и нелепо одетыми – но внушали уважение. Ясно было, что их мужья катаются на нанятых суперкарах, но этим ухмыляющимся загорелым теткам не надо было бояться за место под солнцем. Они его заслужили.

На снимках, где они стояли рядом со своими форбсовскими кавалерами, почти проступали линии судьбы, соединяющие их с мужьями – надежные и прочные узы, любая попытка порвать которые вела прямо в высокий лондонский суд. Ибо, как было сказано, *за каждым успешным мужчиной стоит любовь женщины*, и британские юристы отлично умеют переводить эту максиму на язык конкретных цифр.

Журнал «Женские секреты», как и обещало название, приподнимал покровы: кармические жены часто уже не жили с мужьями, закрывали глаза на их шалости, зато управляли собственными империями... А вот трофейных жен чаще всего связывал брачный контракт, низводящий их почти до прислуги.

Но в журнале обнаружился еще один возможный сценарий – третий. Таня по душевной робости ни за что не решилась бы подумать о таком сама.

Да. Бывало и так, что предназначенные друг другу сердца, не узнав друг друга на школьной скамье, встречались через много лет опять и соединялись. Подобное случалось с богачами не так уж редко – Таня выделила для этих историй верхнюю часть одной из досок. Понятно, что бывшие одноклассницы, какими бы красивыми они ни были в детстве, не могли конкурировать с чужой молодостью. Значит, дело было не в физических данных, а в неизвестной черте мужского сердца.

В «Женских секретах» ничего об этом не было, но Таня догадалась сама. Наверно, думала она, эти люди в принципе не умеют проигрывать. И даже если вся их жизнь стала одним бесконечным успехом, поражение, оставшееся в прошлом, тяготит и тревожит их.

К тому же в юности у событий совсем другой масштаб, они отбрасывают тень на всю судьбу, и шрамы несчастной детской любви остаются с мужчиной навсегда. А когда у человека появляются большие деньги, он может почти все – и вот мужчина, как в фантастическом фильме, возвращается в прошлое и исправляет ошибку...

Из этого следовали такие перспективы, что Таня даже боялась о них думать.

Потом она все же решилась, и мысли за пару секунд превратились из тоненького ручейка в клочущий водопад. А еще через день просто думать было уже мало.

Ей захотелось увидеть все на своей vision board. Она не владела «фотошопом», но у нее были ножницы и клей – и в блоке кармических жен появилась новая фотография. Федя в темном двубортном пиджаке и она в своем зеленом платье от Gucci.

Оно было куплено на распродаже, но это было реальное платье от Gucci, и такое вполне могла как-нибудь надеть жена настоящего multimillionera. Это превращало грубую фотосклейку в одну из возможных версий реальности.

Отойдя от пробковой доски, Таня почувствовала легкий спазм в матке. Ей показалось, что она сделала что-то серьезное, почти колдовское. И даже не почти, а на самом деле.

В научно-популярной литературе такое называлось «симпатической магией». Таня отчетливейшим образом ощутила то, что джедаи называли «содроганием силы». Что-то в мире пришло в движение, и причиной была она.

Таня села в кресло у телевизора и стала щелкать пультом. На пятом или шестом канале ее встретил грустно-веселый крокодил Гена из древнего советского мультика. Гена, в пророческом малиновом пиджаке и каком-то очень правильном пацанском кепарике, играл на гармошке и пел:

– Прилетит вдруг волшебник в голубом вертолете...

Дослушав песню, Таня выключила телевизор. Было самой смешно – дурехе сороковник, а она у себя в голове в песочек играет. С другой стороны, пока мы играем, мы молоды...

Когда утром на следующий день телефон заиграл, она сразу поняла, что звонок как-то связан со вчерашним магическим действием.

– Алло...

– Татьяна Осиповна? – сказал в трубке быстрый голос. – Здравствуйте. Меня зовут Дамиан Улитин, и я хотел бы встретиться с вами для важного разговора.

– По какому вопросу? – обмирая, спросила Таня.

– По поводу... вернее, поручению одного вашего одноклассника, – ответил Дамиан. – Вы помните, наверное – Федор Семенович.

Воздух вдруг сделался чем-то вроде пенопласта – стал твердым и неприятно скрипучим. Кое-как Таня выдохнула и вдохнула.

– Помню, конечно.

– Я его... Как бы сказать, помощник. И у меня к вам будет одно дело. Но не по телефону.

В центре вам удобно?

– Когда? – спросила Таня.

– Сегодня было бы идеально. Заодно и поужинаем, да? Как вам индийская кухня?

Таня пару раз куснула пенопласт – и сказала:

– Да.

Дамиан показался ей похожим на пирата.

Не на голодного сомалийского афроафриканца, понятно, и не на московского зад-рота-кинолюба, а на топового представителя касты, который – пока его бриг бороздит соленый карибский простор – судится с пятью голливудскими стервами, зовет фейсбук к импичменту, качает бугристый пресс, и все это с открытой мальчишеской улыбкой на молодом еще лице.

Лицо его было не просто свежим – на нем, помимо капитанской бородки, присутство-вала та особая патина, какой покрывается человеческая кожа от близости к большим деньгам и океанической свободе: как бы загар от особого солнца богатых, делающий человека моложе лет на десять.

На нем был идеально сидящий светлый пиджак, расстегнутая на горле голубая рубашка и красиво порванные джинсы. С собой у него была папка делового вида и глянцевый пластико-вый пакет, заклеенный скотчем – словно он мимоходом затарился в каком-то бутике. В общем, выглядел он эпично.

Посланник не выше пославшего, вспомнила Таня евангельское... Так каков же тогда пославший... Полно, да и тот ли это Федя вообще?

Ах, как волнительно сжимается грудь.

– Сначала об одном неприятном и довольно скользком моменте, – заговорил Дамиан, демократично макая самосу в карри. – Мой клиент – очень заметный человек, вызывающий повышенный интерес самых разных СМИ. На нем многие пытаются заработать. Особенно, прошу меня извинить за прямоту, женщины. Вы, думаю, знаете, как это бывает.

Таня кивнула.

– Мы, собственно, не обязательно против, – продолжал Дамиан, – но стараемся упорядо-чить этот процесс. Сделать так, чтобы подобный заработок был предметом нашего договора, а не последующего вымогательства. Поэтому перед общением с Федором Семеновичем мы просим всех женщин, встречающихся с ним по личному делу, подписать несколько бумаг. Если вы согласитесь, это придется сделать и вам тоже.

– Что за бумаги?

– В них вы официально отказываетесь практически от всех возможных претензий в адрес моего клиента и берете на себя определенные обязательства. Это стандартное правило. Одно-временно мы гарантируем вам за эту встречу разовое вознаграждение в семь тысяч долларов.

– То есть вы как бы меня нанимаете? В качестве гетеры?

– Обидно такое слышать. Мне ни в коем случае не хотелось бы, чтобы вы видели ситу-ацию в подобном свете. Скажу по секрету – только прошу ни в коем случае не повторять со ссылкой на меня – мой клиент настроен романтически. Я бы даже сказал, трогательно носталь-гически.

– Вот как?

Дамиан кивнул.

– Наверно, уже такой возраст, когда человек окидывает взглядом жизнь с высоты и видит, какие чувства были важными, какие не слишком, что удалось на личном фронте, а что сорва-лось. Что пока еще достижимо, что можно исправить, а что уже нет...

Таня вздохнула и чуть прикусила щеку, чтобы на глазах не выступили слезы.

– Но это, – быстро продолжил Дамиан, – всего лишь мои догадки. Я здесь сильно рискую, поскольку выхожу за пределы своей компетенции.

– Зачем же вы тогда предлагаете деньги за встречу?

– Я уже говорил, что богатых людей в наше время часто пытаются шантажировать. Я ни в коем случае не обвиняю вас в таких планах, но правила есть правила. Для этого мы и подписываем NDA.

– Что это?

– Non-disclosure agreement. Договор о неразглашении. И еще пару других бумаг. Если вы их внимательно прочтете, вам может показаться, что вы даете Федору Семеновичу консент на любые действия за полученную вами материальную компенсацию в семь тысяч долларов. Юридически все так и обстоит – вы как бы работаете по разовому контракту.

Таня брезгливо нахмурилась, и Дамиан поднял руки.

– Но это, разумеется, просто страховка. Исключительно для того, чтобы вы не могли обратиться в суд с каким-нибудь вздорным обвинением. Или не подумали нанять книггеров, чтобы издать скандальную и пустую книжонку о вашей встрече. Без этой формальности – а это, повторяю еще раз, чистая формальность – Федор Семенович не сможет с вами встретиться. Не допустят его юристы. В том числе я.

Дамиан вынул из портфеля папку с бумагами. Бумаги были помечены желтыми полосками липких закладок.

– Вот, – сказал он, – и еще это...

На стол перед Таней лег конверт.

– Я подпишу, – сказала она. – Но денег брать не буду.

– Увы, так нельзя.

– Почему? – оскорбленно спросила Таня.

– Потому что... Господи, да не ведитесь вы так. Потому что вы должны подписать в том числе и расписку в их получении. А если вы подпишете, но не возьмете, я окажусь жуликом. Сумма небольшая, но все равно бумагооборот требует аккуратности. Несколько раз сходите, в конце концов, в хороший ресторан. На эти деньги можно сходить в очень даже приличный.

– Но какое...

– Повторяю в третий раз, Татьяна Осиповна, документы нужны лишь для того, чтобы сформировать, как говорят адвокаты, внятное юридическое поле, где будут происходить все дальнейшие события. Но формальности должны быть соблюдены строго. Или вы хотите, чтобы меня вышвырнули на улицу?

Мысль о том, что Дамиану могут дать пинка и сбросить в бездну, где его благородный загар испарится и он снова обернется Демьяном, конечно, грела. Но все же не настолько, чтобы упорствовать ради этого в показной душевной красоте. Особенно себе во вред.

– Хорошо. Если вы настаиваете...

– Настаиваю.

Таня взяла конверт и спрятала его в сумочку.

– Подписывать там, где желтые метки, – сказал Дамиан. – Можете прочитать, если хотите.

Таня взяла наугад одну из бумаг, принялась читать – и запуталась в первом же абзаце. Особо вчитываться смысла не было: понятно, что при желании юристы обдурят ее пять раз в одном предложении.

– Зачем читать. Я Феде доверяю.

– И правильно. Поверьте, из квартиры он вас обманом не выселит.

У Тани вдруг екнуло в груди. Она сообразила, что именно так жулики выживают людей из квартир – рассказывают неправдоподобную историю, дают немного денег, просят подписать бумаги. Впрочем, подумала она тут же, откуда жуликам знать, что они с Федей в одном классе... Да нет, паранойя. Хотя...

Она пролиставала несколько страниц, отыскивая упоминания про жилплощадь – но ничего похожего не было. Речь действительно шла об отказе от претензий всех возможных видов. И еще о разовом вознаграждении.

– Тут некоторые графы пустые.

– Я потом заполню, – сказал Дамиан. – Не переживайте.

– Ручку дайте.

Дамиан протянул ей синий гелевый маркер.

– Вот здесь, – сказал он. – Да. Здесь. И здесь. И здесь тоже. А здесь вот два раза, пожалуйста... Спасибо.

Спрятав бумаги в папку, он улыбнулся.

– Ну вот, противная часть позади. Теперь можем с вами наконец поговорить по-человечески... Таня... Ничего, если я вас так буду называть?

– Ничего, – ответила Таня.

– Так вот, Таня... Про ваши прежние отношения с Федором Семеновичем мне ничего не известно, но я вообще много времени провожу возле богатых людей – и примерно представляю их психологию. Я знаю, чего они хотят. И, поскольку я, будете смеяться, изо всех сил стараюсь быть порядочным человеком, я выложу все начистоту.

«Понятно, – подумала Таня. – Сейчас инструктировать будет, как ноги держать».

– Только не думайте, – сказал Дамиан, словно учуяв ее мысль, – что я имею в виду какие-то конкретные пожелания моего клиента. Нет. Я ни в коем случае не пытаюсь как-то вас сориентировать или намекнуть, как вам себя вести. Федор Семенович не давал мне такого поручения. Но я знаю, зачем такие люди, как мой клиент, ныряют в свое прошлое.

– Зачем?

– Вы слышали выражение «delayed gratification»? Или «отложенная гратификация»?

– Может и слышала, – ответила Таня. – Звучит знакомо. Но я уже забыла.

– Я напомню тогда. Это понятие связано с так называемым «Stanford Marshmallow experiment», или, говоря по-русски, «Стэнфордским зефирным экспериментом». Слышали?

Таня пожала плечами.

– На самом деле это целая серия экспериментов, обширная и очень долгая. Но первоначальный концепт был простым. Детям лет шести предлагали выбор – съесть одну пастилку прямо сейчас или две пастилки через пятнадцать минут. Сладости могли быть и другими, зефир тут не важен. Важным было предложение отложить удовольствие, чтобы потом получить больше. В шесть лет на подобное решиться не так просто. Некоторые дети соглашались, другие нет. Образовалось две группы.

– Можно догадаться, – сказала Таня, – что две группы будет. Чего удивительного.

– Тут – ничего. Удивительное было дальше. Эти эксперименты ставили в шестидесятых-семидесятых годах прошлого века. А потом проследили жизненный путь участников. Вплоть до нашего времени.

– И что?

– Оказалось, – продолжал Дамиан, – что группа отложенной гратификации, то есть детки, согласившиеся подождать второй пастилки, по всем жизненным показателям обошли тех, кто выбрал одну пастилку сразу. И по образованию, и по доходу, и даже по индексу здоровья.

– Это тоже понятно, – сказала Таня. – Я так и предположила бы. И что дальше?

– А то, – ответил Дамиан, – что группу отложенной гратификации можно тоже поделить. На тех, кто заберет две пастилки через пятнадцать минут – и тех, кто согласится ждать полчаса за четыре пастилки. И так далее. В конце концов окончательными чемпионами окажутся самые терпеливые дети. Те, кто ждал не пятнадцать минут, а пятнадцать лет... Отложенная гратификация дает огромную силу тому, кто ее практикует. Без преувеличения можно сказать, что на ней зиждется вся великая протестантская цивилизация. Но...

Подняв палец, Дамиан сделал картинную паузу.

– Но теневая сторона здесь тоже есть. У окончательных чемпионов далеко не все так хорошо, как кажется. В сказках разных народов существует архетип богача в рваной одежде, который получает удовольствие только от того, что спускается в подвалы и глядит на свое золото...

– Знаю, – сказала Таня. – Скупой рыцарь у Пушкина.

– Да, именно. Такой канонический скупердяй в лохмотьях сегодня встречается редко. У настоящего скупого рыцаря будет и яхта, и шато на Лазурном берегу, и самолет. Это символы успеха, и они необходимы для бизнеса. Не будет только одного – внутренней радости от обладания ими. За годы самоограничения у него пропал вкус к сладкому, и пастилки не доставляют ему радости. Совсем. Понимаете?

– Ага, – усмехнулась Таня. – Понимаю, куда вы клоните. Копил на коронки, пока зубы не выпали.

– Примерно. Победа в битве за счастье формально одержана, но субъект счастья – малыш, решивший подождать и съесть сразу сто пастилок – стал ее жертвой. От его лица теперь действует группа юристов по доверенности. Они сдают и принимают тонны пастилок, а счастье... Где оно?

Таня тихонько вздохнула.

– И тогда, – продолжал Дамиан, – скупой рыцарь строит машину времени. Он возвращается в то время, где малыш был жив – и заваливает его пастилками... Вы улавливаете мою мысль?

Таня даже покраснела.

– Вы не поверите, – сказала она, – но я совсем недавно думала про это практически теми же словами. Вот про машину времени точно думала... И вы считаете, что Федор Семенович хочет...

– Да. Он хочет вернуться к чему-то очень для него важному. И это связано с вами.

– Но зачем ему? Ведь Федя может что угодно себе...

– Вы знаете, не все. Далеко не все в мире можно купить, нанять и так далее, если вы имеете в виду. Человеческая сфера влечения – область хрупкая и непостижимая. Если вы надломите молоденькое деревце, оно так и вырастет кривым. Так и человек. Есть целые научные школы, целые армии дорогих аналитиков и психотерапевтов, обслуживающие богатых, но несчастных людей. Они изучают каждый чих, каждый синяк, каждую детскую обиду своих клиентов – ибо все это до сих пор релевантно и важно.

– То есть вы хотите сказать, – заволновалась Таня, – Федя меня потому увидеть хочет, что ему психотерапевты прописали?

– Нет, что вы. Я совсем не это хочу сказать. Я хочу сказать, что стремление взрослого богатого мужчины вернуться в юность или детство, чтобы подлечить свою судьбу – это не какой-то бзик, не экзотика и редкость, а очень распространенное явление, укорененное в самой природе человеческой психики. Настолько распространенное, что на нем даже паразитируют всякие дипломированные умники.

Таня вспомнила про свои пробковые vision boards – но решила о них не говорить.

– Это, – продолжал Дамиан, – последний шанс судьбы. Вспомнить несбывшееся и сделать так, чтобы оно сбылось хоть как-то. Понимаете?

Таня еле заметно кивнула.

– Не буду строить никаких конкретных предположений, но полагаю, что Федор Семенович хочет вернуться к вам за своей порцией упущенного счастья... Никто в целом мире не поможет ему в этом, кроме вас. Но здесь начинается запретная территория, и продолжать разговор с моей стороны будет нескромно. Тем более что вы, Таня, все понимаете сами...

Голос Дамиана журчал и гипнотизировал. Временами в нем звучала самая настоящая нежность, временами – обезоруживающая искренность.

– Да, – сказала Таня, – я вполне... То есть почти...

– Поэтому вас, наверно, не удивит, что Федор Семенович хочет встретиться с вами не в городе, а в одном довольно странном, с моей точки зрения, месте.

– Где?

– В совхозе, где вы работали когда-то на школьной картошке.

– А он сохранился, этот совхоз?

– Вы знаете, да. Вполне сохранился. Только не в качестве совхоза, конечно. Я ездил, проверял по фотографиям из архива Федора Семеновича.

– Вы? Ездили?

Дамиан кивнул.

– Там вообще мало что изменилось, судя по всему. Но картошка больше не растет. Запустение... Пара старушек доживает, мужики давно спились. Некоторые постройки сохранились.

Он вынул телефон и повернул его экран к Тане.

– Снимал пять дней назад. Вы что-нибудь узнаете?

– Да, – сказала Таня с веселым удивлением. – Вот тут мальчики жили... Только стены были другого цвета. А это банька, мы там мылись. Но вот этих рукомойников тогда не было. И деревья теперь совсем большие. А все остальное такое же осталось.

– В России одна Москва меняется, – философски заметил Дамиан, – и не всегда в лучшую сторону. Хорошо, что вы баньку помните.

– Почему хорошо?

– Федор Семенович хочет встретить вас именно там.

– Он прямо такое желание выразил? – удивилась Таня. – Господи, сколько лет-то прошло, а он такие вещи помнит.

– Помнит, представляете? Вот посмотрите...

Дамиан положил на стол тщательно вычерченную схему.

– Вы пойдете по этой дорожке, как раньше ходили от женского общежития. Само общежитие снесено, а дорожка осталась. Мы подвезем вас к ней на машине. Федор Семенович будет ждать прямо у баньки.

– Вы все так прямо распланировали... А вдруг местные помешают?

Дамиан улыбнулся.

– Никаких местных не будет.

– Почему?

– Мы арендуем территорию специально для этой встречи. Охрана по периметру и все прочее, так что не опасайтесь. Все будет хорошо.

– А когда? Когда мы встретимся?

– В течение недели-двух. У Федора Семеновича очень загруженный график, и точнее пока я сказать не могу. Постараюсь предупредить вас за два-три дня. Вы сможете отпроситься на работе?

– Я сейчас не работаю, – сказала Таня. – Временно.

– А, ну тогда с этим проблем нет. И вот еще...

Дамиан поднял с пола блестящий пластиковый пакет и положил его рядом с Таней.

– Это вам. Спецодежда.

– Одежда?

– Да. Примерная аппроксимация того, во что вы одевались на картошке. Ваши размеры мы выяснили, все должно подойти. Пожалуйста, сегодня проверьте – если мы ошиблись, заменим.

Таня была так поражена, что даже ничего не сказала.

– Мой телефон в конверте с деньгами, – Дамиан поглядел на часы. – Когда у меня будет точный тайм-график, я позвоню. Если появятся вопросы или проблемы, звоните сами. А сейчас нам надо бежать, потому что скоро будут пробки. Увы, как вы понимаете, не шампанские.

Он ткнул пальцем в стоящую на столе радио-пирамидку, где был нарисован официант с подносом.

– Если позволите, я вас подвезу...

Таня раскрыла пакет только дома.

Внутри были черные резиновые сапоги, синие шерстяные рейтузы и подбитая ватином нейлоновая куртка цвета засохшего навоза – все грубое, аляповатое и удивительно гармонирующее друг с другом: словно бы перерождения безобразных советских вещей, опознанные на прилавках нового мира специально приглашенным ламой.

Еще в сумке было желтое тропическое полотенце с пальмами. Такое же, каким она обматывалась поверх купальника. Купальника Федя не видел, а полотенце, кажется, запомнил крепко.

Но зачем сапоги, куртка и рейтузы?

Она надела все это перед зеркалом. Странно, но спецодежда сделала ее моложе и привлекательнее, будто вернув ей часть юности, размазавшейся по похожему шмоту.

Наверно, во что-то подобное на той картошке и одевались – Таня не помнила таких подробностей. Помнила только, что там не было тампонов и приходилось пользоваться *ватой гигроскопической* из упаковки, похожей на заряд к танковой пушке. И ничего – жили, надеялись, любили...

Но почему тогда полотенце? Зачем? Ведь его не будет видно под всем остальным.

С другой стороны, сейчас уже прохладно, осень. Вдруг дождь... Наверно, Федя предлагает два варианта на выбор. Или нет, нет... Все просто.

Она завернулась в полотенце, а потом надела сверху комплект спецодежды. Что у нее под курткой, не было видно. Вот так и пойдем, прошептала она, так и пойдем... Действительно, не раздеваться же перед охраной. И гармония не нарушится. А когда сниму, будет ему полотенце. Обо всем подумали.

Следующие три дня Таня провела, репетируя встречу.

Она понимала, конечно, что делать этого не стоит: в реальности все случится совсем по-другому, и ничего, кроме вреда, от подобных упражнений не будет. Но в душе играли такие увертюры и прелюдии, что слабый голос рассудка не был слышен на их фоне.

Почему-то Таня думала, что Федя набросится на нее, затащит в баню и сделает то, чего ему так хотелось тем мутным сентябрьским днем. Не зря же он взял с нее подписку.

В принципе она была не против. Ей даже начинало на полном серьезе казаться, что и тогда она была не против, и будь он чуть настойчивей, разговорчивей и веселее... Как пел тогда репродуктор: «Я не весталка, мой дорогой. Что же мне, жалко? Боже ты мой...»

Потом они будут долго приходиться в себя, лежа в сене (почему-то казалось, что в бане догадаются постелить сена). Она снимет соломинку с лица Федора Семеновича (уже опять Феди) и скажет чуть грустно:

«Мы потеряли столько времени...»

Или что-нибудь похожее – нужные слова обязательно найдутся в такую минуту, обязательно.

Когда через три дня Дамиан позвонил, она совсем уже измоталась и хотела звонить ему сама.

– Завтра, – сказал он. – Я приеду в два часа тридцать минут. Пожалуйста, будьте к этому времени полностью готовы. Брать с собой ничего не надо – только оденьтесь заранее, чтобы нам не ждать. И вот еще – пожалуйста, минимум косметики. Я не говорю вообще без, потому что такого женщине не говорят, хе-хе, но постарайтесь, пожалуйста, чтобы невооруженным глазом ее не было заметно...

Таня вспомнила, что на картошке девчонки действительно почти не пользовались косметикой. Какая, однако, память у этого Феда.

Следующий день выдался солнечным. Но солнце не грело – изнанка осенней ясности была холодной, и куртка на ватине не помешала. Полотенце приятно стягивало тело, и даже непонятно было, почему мировые модельеры еще не взяли на вооружение такой дизайн.

Дамиан приехал за пятнадцать минут до срока, но она уже ждала его во дворе. За рулем сидел он сам. Больше никого в черном ленд круизере не было.

– Волнуетесь? – улыбнулся Дамиан, когда она села рядом. – Я вижу, что волнуетесь. И Федор Семенович, наверно, волнуется... Как же без этого, столько лет.

– Долго нам ехать?

– Часа полтора.

– В школе дольше было. Часа три почти. Сначала на электричке, потом на автобусе.

– Сейчас по гипотенузе поедем.

Таня сообразила, что Дамиан за секунду провел у себя в голове целый тригонометрический анализ. Это отчего-то ее поразило. Ну конечно, думала она, раньше ездили буквой «Г», поэтому так долго. Я всю жизнь по этой букве катаюсь, между прочим. А сейчас вот зато...

Да. Выходим на гипотенузу.

Это звучало гораздо круче, чем «выделенная линия» или даже «спецполоса». Гипотенузу вообще не рисуют на асфальте – сильные духом люди носят ее в себе и едут по ней незаметно для других, даже когда кажется, что они просто стоят в пробке...

Пробка была только одна, у кольцевой, и то небольшая. А когда выехали из города и набрали скорость, Таня занервничала так, что заснула – такое с ней иногда бывало от стресса.

– Таня, приехали.

Таня открыла глаза. Мир снова требовал ее присутствия.

Машина стояла среди старых деревьев, недалеко от пустого заколоченного дома. Впереди был припаркован черный мерседесовский микроавтобус.

Здесь было куда больше желтой листвы, чем в Москве, и многие деревья уже наполовину облетели. Людей видно не было – только возле микроавтобуса стояли два коротко стриженных парня в добротных костюмах и тихо переговаривались с осенью... Заметив у одного из них в ухе провод телесного цвета, Таня догадалась, что беседуют они все-таки не с природой.

Дамиан поднял телефон, издал в него несколько вопросительных междометий, крикнул, хохотнул, что-то выслушал и повернулся к Тане.

– Проснулись? Федор Семенович чуть задерживается. Нам сообщат. Да мы и сами увидим.

Прошла пара минут, и Таня услышала еле различимый треск вертолета. Он становился все громче, а потом Таня увидела в небе саму машину.

Это был небольшой темно-синий аппарат, не наш, а какой-то иностранный. То ли «Еврокоптер», то ли «Белл» – из тех, что в Москве можно взять в аренду. Вертолет сделал в небе круг, пошел на посадку и приземлился где-то недалеко, метрах в трехстах.

– Прибыл, – прошептал Дамиан.

Прошло еще двадцать минут, и его телефон зазвонил.

– Понял, – сказал он в трубку и повернулся к Тане. – Ну что, Таня. Ваш выход.

Таня запаниковала.

– Может, я...

Дамиан взял ее руку и сильно сжал двумя своими.

– Идите прямо по этой дорожке и никуда не сворачивайте. Банька через двести метров. Федор Семенович уже там. Никто, кроме него, вас не увидит. Все будет хорошо. Поверьте в свою звезду.

– Да, да, – прошептала Таня, подтерла быстрюю слезинку (и правда хорошо, что не накрасилась), вылезла из машины – и пошла вперед.

Ей казалось, что Дамиан и охранники глядят ей в спину: она чувствовала почти физическое давление наведенных на нее глаз. Но когда через минуту ходьбы она обернулась, оказалось, что микроавтобус с охраной и машина Дамиана давно скрылись за деревьями. Спокойно, Таня, прошептала она, не надо себя заводить.

Она глубоко вдохнула и огляделась.

Ну да, вот тут жили мальчики – в тех вон домиках. А нашего корпуса, большого, уже нет. Банька была вон там. И сейчас там же, вон она. Только рядом еще две будки поставили из фанеры... Или это сторожки какие-то? Неважно, видно, что пустые – даже стекол нет. Господи, какое все стало старое. Неужели я тоже такая? А где же Федя?

Она пошла вперед, уже медленно, заранее растягивая лицо в улыбку. Когда до бани осталось метров тридцать или сорок, она увидела рукомойники, которых там раньше не было. А потом увидела и Федю.

Он стоял между баней и одной из фанерных сторожек спиной к ней. На нем был синий слесарный халат, точь-в-точь такой же, как тогда на картошке. На его босых ногах краснели пластиковые шлепанцы, тоже в точности такие же.

Были и перемены. На его затылке гордо блестела карамельного цвета лысина, которую Таня немедленно окрестила про себя средиземноморской (русские лысины бледны и малоурожайны).

Таня подумала, что Федя, наверно, мерзнет в одном халате без штанов. Потом отметила, что он стоит в том же месте, где ждал ее много лет назад. Мало того, она приближалась к нему с той же стороны, что тогда. Если можно было перемотать время назад, то это почти получилось: с такой точностью, кажется, не реконструировали даже пушкинскую дуэль.

Таня поняла, что следует сделать. Она остановилась, сняла сапоги, потом рейтузы с курткой, аккуратно сложила все на землю – и, оставшись в одном полотенце, сомнамбулически пошла к Феде. Когда до него осталось всего несколько шагов, он услышал шорох ее ног в сухой листве и обернулся.

Она увидела его глаза в широких модных очках со вздернутыми вверх краями и сразу все поняла. Но инерция заставила ее сделать еще два шага, и только потом она остановилась.

Внимательно глядя на нее, Федор Семенович сжал в кулаках синие слесарные лацканы – тем же памятным Тане движением. А затем решительно развел полы халата в стороны.

Он был совершенно гол под халатом.

Ему определенно не хватало физических нагрузок, но загар был безупречен. На его чреслах белела широкая полоса от длинных семейных плавок (хвастаться, если честно, ему было нечем). Он держал полы халата разведенными еще несколько секунд, а потом запахнул его, шмыгнув носом, повернулся на сто восемьдесят градусов и пошел прочь.

Только когда Федор Семенович скрылся за кустами, Тане стало ясно, что он не вернется.

Она симметрично развернулась и пошла в другую сторону прямо как была, в одном полотенце: возвращаться к Дамиану и охране было немыслимо. Впереди не осталось ни домов, ни дорог – только безлюдное поле. За ним начинался лес.

«Ничего, – думала Таня, чувствуя, как на глаза наворачиваются неостановимые слезы, – как-нибудь доберусь до станции. Переживем. А то нам жизнь до этого хуев не показывала... Хоть бы он наебнулся на своем вертолете, говно загорелое. Правильно на картошке девки говорили – мужики сволочи, а счастье в труде...»

1.3. fuji-ё стартдаун

Федор Семенович в халате и толстых хлопковых носках возлежал на кровати в своей океанической спальне. За прозрачной стеной темнело вечернее море. Над ним, словно сказочные лотосы, распускались отражения потолочных ламп.

Федор Семенович был простужен и то и дело срывался в хриплый кашель, проглядывая бумаги, которые ему одну за другой подавал стоящий рядом референт. Иногда он их подписывал.

Дамиан Улитин в белой бейсболке (все та же «SKOLKOVO SAILING TEAM»), шортах и желтой рубашке сидел на стуле, изучая украшающие спальню объекты искусства.

Особый интерес у него вызвали картины над кроватью.

Это были даже не картины, а скорее три тематически близкие фрески, ловко вписанные в габариты помещения. Дамиан встал и подошел к стене, чтобы разглядеть детали, заставив референта нахмуриться. Но Федора Семеновича это любопытство не обидело.

– Что, нравится? – спросил он.

– Очень, – сказал Дамиан. – Удачное расположение. Эротика вообще будит фантазию. Превращает кровать в такой, знаете, алтарь плотской радости. Эдакий патриархальный экспрессионизм – жестко, но честно. Подобное в наше время может себе позволить только весьма богатый и независимый человек... Плавающий оазис свободы.

Федор Семенович хмыкнул.

– Это что-то мифологическое, да? – продолжал Дамиан, прищуренно оглядывая фрески. – Виноград, колесница, руины... Похоже на «Триумф Вакха» этого... как его... Корнелиуса де Воса. Может, современная вариация? Как называется?

– Это триптих, – ответил Федор Семенович, подписывая очередную бумагу. – Харви Вайнштейн насилует Николь Кидман, Уму Турман и Натали Портман.

– Ах, – сказал Дамиан, – это Вайнштейн три раза. А я думал, Вакх в венке. Актрис-то я узнал... Кто автор?

Федор Семенович закатил глаза к потолку, вспоминая.

– Кажется, Дубосаров какой-то. Или Виноградский. Хэээ, не помню точно. Это дизайнер заказывал. Спальня в стиле «Голливуд разбитых надежд». Говорят, модно.

– А скульптура – тоже Дубосаров? – спросил Дамиан, кивая в угол.

– Нет.

– Это кузнецы? – спросил Дамиан, подходя к скульптуре. – Или медведи бревно пилят? Чего это у них на висках мочалки какие-то?

– Прочитай, там написано.

Дамиан подошел к скульптуре, нагнулся и прочел вслух:

– «Голливудские евреи создают драматическое напряжение в коммерческих целях. Автор Неизвестный». Да, метко поймано, метко... Вчера как раз кино смотрел и думал. И что, правда неизвестно, кто автор? Или это в том смысле, что он малоизвестный?

– Нет, наоборот. Он как раз популярный. В определенных кругах. Оба слова с большой буквы – Автор Неизвестный. Это внебрачный сын Эрнста Неизвестного. Автор Эрнстович. Мама его специально так назвала, чтобы тег застолбить. На табличках круто смотрится.

– Стильно, – сказал Дамиан. – Такая сквозная кинематографическая тема во всем. Очень стильно и модно. И мама умная – могла ведь сына и «Солдатом» назвать.

Федор Семенович отдал последнюю бумагу референту и тот, еще раз покосившись на Дамиана, вышел из спальни.

Дамиан уже изучал стоящее рядом со скульптурой кресло. У того были деревянные подлокотники в виде неприлично задранных женских ног в туфлях с длинными каблучками (на каб-

луки были насажены шампанские пробки). Еще две пары женских ног были ножками кресла – передние, обрезанные чуть выше икр, босо стояли на полу, а задние изображали коленапреклонение.

– Кресло тоже в стилистике?

– Тоже, – ответил Федор Семенович. – Автора не помню, а объект называется «Кастинг три». Я только обивку поменял, оригинальная из женских волос была. Их перманентом блондинили, и они чего-то вонять сильно стали.

– Время такое, – кивнул Дамиан.

– Наверно. А вообще удобное кресло. Садись, попробуй.

– Как-то боязно.

– Садись-садись. Разговор у нас долгий, ты че, стоять будешь все время?

Дамиан сел в кресло, осторожно откинулся на спинку, потом положил руки на подлокотники и соорудил одобрительную гримасу.

– Да, комфортно.

– Когда мимо ходишь, о каблуки задеваешь все время. Я, видишь, пробки надел, чтобы не царапаться... А обивку старую из волос просто выкинул. Вандализм, конечно – стыдно.

Федор Семенович закашлялся.

– Где простудились? – спросил Дамиан, кивая куда-то налево. – Там?

– Там. Хоть солнце, а холодно.

– Ну какие у вас общие ощущения?

– Да никакие, – ответил Федор Семенович. – Ну да, детство вспомнил. Обидка и правда в душе жила. С тех самых пор хранилась. Отпустила немного... Но чтобы какой-то катарсис, как ты обещал... Или там помпейское счастье... Не, такого не было.

– Совсем не факт, – сказал Дамиан. – Совсем. Во-первых, мы редко способны узнать счастье. Мы его видим только ретроспективно. Во-вторых, мы не всегда осознаем и замечаем катарсис, если он происходит в глубоких слоях психики. Но есть косвенный способ все проверить.

– Как?

– Вот скажите, вы теперь про тот случай на картошке с какими чувствами вспоминаете? С теми же самыми, или другими?

Федор Семенович зажмурился, вглядываясь в свои глубины.

– С другими, наверное... Конечно с другими. Я теперь про тот случай вообще уже вспомнить не могу. Могу только про этот.

– Вот! – обрадовался Дамиан. – Вот это и есть самое главное. Это значит, что мы наложили, так сказать, заплату на подсознательную пробоину. И ваша психическая и духовная энергия уже не хлещет в пустоту, как последние двадцать или тридцать лет, а постепенно копится – и скоро откроет для вас новые двери восприятия. Вы высвободились из давнего психодинамического зажима...

Федор Семенович отхлебнул морса из хрустального стакана и поставил его на стол.

– Но у меня совершенно нет чувства, что я... Ну, чего-то добился, – сказал он. – Осуществил мечту, или в этом роде. Я даже не уверен до конца, что мне тогда именно этого хотелось... Ну, то, что я сделал. Так, мелькнула мысль. Может, и другие были, просто я забыл.

– Так в этом все и дело. Если вы эту мелькнувшую мысль запомнили на столько лет, случайной она не была точно. Не сомневайтесь. Для этого психоаналитики и нужны.

– И человека обидели, – вздохнул Федор Семенович. – Правда, двадцать тысяч дали... Ты ей дал?

– Дал, – ответил Дамиан, – у меня расписка.

– Она, – продолжал Федор Семенович, – между нами говоря, сама такая была, что... Постоянно в душу плевала. Но ведь сколько времени уже прошло.

– Не переживайте вы так. Утрясется, затянется. А с юридической стороны у нас все чисто. Все бумаги есть.

– Да? А я думаю, может, позвонить, извиниться...

– Вот этого ни в коем случае! – горячо сказал Дамиан. – Ни в коем случае. Иначе весь положительный эффект потеряем. Забудьте навсегда. Это как кость заново ломать. Пусть заживает и срастается. В таких ситуациях самое главное – не надо ничего беречь. Ни в коем случае не тормозите. Представьте себе, что ваш эмоционально-волевой комплекс отдыхает после травмы.

– А как я узнаю, что все зажило? По каким признакам?

– По тем признакам, – ответил Дамиан, – что вам уже не будет хотеться куда-то там звонить и извиняться. И это не я придумываю. Так психоаналитики говорят.

Федор Семенович вздохнул еще раз.

– Ну ладно. И что теперь у тебя в программе следующим пунктом?

– Чего бы вам хотелось?

Федор Семенович нахмурился.

– Ну, я не знаю. Ты вот предложи, а я скажу – хочется или нет.

– Вам по ценовым категориям или тематически?

– Давай сначала по ценовым.

– «Помпейский поцелуй» – это был первый таер. Самый нижний. Давайте попробуем второй?

– Рассказывай.

– Не знаю, насколько это на ваш вкус... Там все в основном... Могу, например, предложить нашу сигнатурную технологию «FUJI-Ё», которая пользуется у многих клиентов устойчивым спросом. Есть даже регулярные пользователи. Одно из преимуществ здесь в том, что все обкатано идеально – риска никакого. Собственно, по этой технологии на самом деле и назван мой стартап.

– Ты же говорил, по горе Фудзи?

Дамиан виновато улыбнулся.

– Не все так однозначно, Федор Семенович, – сказал он. – Сами знаете, какая сейчас культурная ситуация – постмодернизм. Первоисточник не всегда понятен. Вернее, он может быть множественным. Иногда один, иногда другой. Гора Фудзи – прекрасный и вдохновляющий символ. Наше официальное лицо – это улитка на склоне, «е» в кружочке, вот это все. «Е» в этом случае расшифровывается как «experiences». Но начиналось все немного по-другому. Начиналось с изнанки, с «FUJI-Ё». Первое слово по-английски, буква «ё» по-русски. Возникает немного непристойная игра слов.

– И чего это за «Ё»?

Дамиан достал телефон, потюкал по экрану и повернул его к Федору Семеновичу. Это был «google street view» – судя по иероглифам, улица в каком-то китайском городе. Светились китайские и английские вывески: между здоровенным белым «Erste» и строгим «TREASURE» была зажата стеклянная дверь с маленькой неоновой надписью «FUJI BUILDING».

Дамиан провел пальцами по экрану, и Федор Семенович увидел верх здания – обшарпанный панельный фасад с лесами и несимметрично воткнутыми кондиционерами.

– Триста восемьдесят три, Локхарт Роуд, Ванчай, – сказал Дамиан. – Международно известный бордель в Гонконге. Вернее, бордель там не один. Там двадцать этажей, из них восемнадцать рабочих, и на каждом несколько, так сказать, бордельчиков в одну девушку. Девушки снимают комнаты, а клиенты звонят в двери. Интересно то, что это полностью легальный бизнес. Русские и украинские девушки тоже есть – на этажах с третьего по шестой. Дальше – китайки, тайки, филиппинки и так далее. Есть пара японок. Была одна индокитайская француженка, но уволилась по старости и уехала.

– Так в чем твоя технология?

– У нас есть договоренности с... местными организациями, контролирующими этот бизнес. Мы арендуем на день-два все здание целиком. Клиенту предоставляется множество опций. Он может прийти в здание под видом мафиози и собирать с девушек дань. Может применять к ним насилие – в разумных, конечно, пределах. По желанию, насилие может быть применено и к нему, только надо заготовить пароль безопасности.

– Что это?

– Ну, такое специальное слово. Вы его говорите, и вас сразу перестают терзать и мучать.

– Да? А для жизни у тебя такого нет? Я бы серьезно вложился.

– Работаем, Федор Семенович, работаем, – улыбнулся Дамиан.

– Мафиози я быть не хочу, – сказал Федор Семенович. – Уже свое отмафиозил, спасибо.

– Не обязательно мафиози. Можно зайти в форме полицейского. Не гонконгского, конечно – такая, знаете, усредненная форма. Это для тех, кто любит досуг с наручниками. Вариантов много, в меню десять страниц опций. Я даже всего не вспомню сейчас. Здание на время сеанса ваше. Снаружи оно неказистое, но внутри там дизайн довольно любопытный – такой кафельный Версаче и гирлянды разноцветных лампочек... Вечный Новый год.

– И что, все двадцать этажей согласны? На насилие и так далее?

– Нет, конечно. Вот для того мы все здание и снимаем – чтобы вы случайно не ошиблись дверью. Вы выбираете конфигурацию опций, и на вахту выходит соответствующая конфигурация комнат. У других девушек оплаченный выходной. При таком подходе ошибок не будет, потому что на вахте только подписанный контингент. Всю юридическую и подготовительную работу мы берем на себя.

– Интересно, – сказал Федор Семенович. – Я про Александра Блока такое читал – что он на Васильевском острове бордель целиком снимал. Если не врут, конечно. Тогда обыкновенный поэт мог себе позволить, а сегодня только олигарх. И по цене это уже второй таер. Какая-то социальная деградация.

– Наоборот, прогресс, – ответил Дамиан. – Если с женской точки зрения. Главная историческая тенденция нашего времени – борьба с патриархальным укладом. Его, грубо говоря, вынуждают платить за то же самое все больше и больше.

– Допустим. Но зачем одному человеку все здание целиком? Я же не поэт, чтобы этим самым вдохновляться. В моем возрасте и одной бабы уже много.

– Программа не сводится только к бабам, – сказал Дамиан. – Она гораздо интересней. Думайте об этом так: путешествие по бесконечному кишечнику «Фуджи билдинг» – это своего рода антитеза к восхождению на гору Фудзи.

– Почему?

– На Фудзи восходят. А в «Фуджи билдинг» вы поднимаетесь на последний этаж лифтом, а потом идете вниз по лестнице, звоня во все двери. Некоторые двери с первого раза не открываются, поэтому итерацию придется повторить. Вы опять поднимаетесь на лифте и спускаетесь вниз по лестнице, и так неограниченное количество раз. Постоянные клиенты этого маршрута даже прозвали мой стартап стартауном. Потому что каждый раз – вверх на лифте и вниз по ступенькам... На ступеньках, между прочим, и происходит самое интересное.

– Например?

– Например, вы можете оставить на стене свою каллиграфию. Уже есть переведенный на японский вариант – «О улиткин, сползая по «Фуджи билдинг», лучше поторопись...» Потому что хороших телочек разберут, такой смысл.

– Понял, – сказал Федор Семенович.

– Представляете, вы наносите японскую надпись через трафарет, потом трафарет прячете, чтобы казалось, что вы это секунду назад маркером написали – и тут на лестнице появля-

ются два туриста-интеллектуала из Японии. Читают, смеются, кланяются и вежливо хлопают вам в ладоши... Могут даже назвать вас сенсеем.

– Какие туристы? Ты же говорил, вы все здание снимаете.

– Правильно. Другие посетители – это нанятые нами актеры. Они вступают с вами в диспуты о жизни, бегут вниз по лестнице с вами наперегонки, сражаются за лучших проституток и вообще определенным образом на вас реагируют в зависимости от выбранного вами скрипта.

– Например?

– Например, пугаются вас и убегают. Или, наоборот, ведут себя агрессивно, пытаются на вас напасть – и вы даете им мужественный отпор. Представьте, набить мускулисту наглую рожу перед дрожащей девочкой и сразу же на эту девочку взгромоздиться... Все древнейшие инстинкты задействованы в одном комплексном опыте. У нас на такую конфигурацию очень большой спрос, особенно у тех, кто в реальной жизни не может по своим... Впрочем, неважно. Мы формируем индивидуальный тур под любые запросы. Даже помогаем понять, чего вы на самом деле хотите.

– Чего, опять психоаналитик?

– Не хотите, можно и без него. Просто заполните несколько анкет, потом обсудим с нашим координатором конкретное наполнение программы, подберем незнакомок и незнакомцев, которые случайно встретятся на лестнице – и вы переживете совершенно незабываемое уникальное приключение всей жизни...

– А-а-а-а, – протянул Федор Семенович. – Вот теперь, кажется, понял.

– Что вы поняли?

– Да разговор один пьяный у Рината. Что Баргашов веществ пережрал, и с ним бэд трип случился на какой-то длинной лестнице. Бегал, говорят, в наручниках, голый и со вставшим хуем – двадцать этажей вниз, двадцать вверх, и так всю ночь. Вообще остановить не могли, пока тазером не повалили. Это про это твое «FUJI-Ё», да?

Лицо Дамиана мгновенно стало каменным и непроницаемым.

– Федор Семенович, я никак не могу комментировать ситуацию с другими клиентами. Вы же знаете.

Федор Семенович некоторое время думал, а потом отрицательно покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Не надо мне публичного дома с мордобоем. Я, может, не ангел, но все-таки и не такая свинья. Чтобы по лестнице бегать в наручниках и с этим самым. Я вообще устал от свинства и блядства, Дамиан. Мне его и в жизни хватает – а ты хочешь, чтобы я в свободное время в него вкладывался.

Дамиан чуть покраснел и уже открыл было рот, но Федор Семенович остановил его жестом.

– Нет, я понимаю, что другим это может быть интересно. Но у тебя уклон какой-то... Извини, подростковый. Для тех, кто до сих пор от недоеба страдает. А я про пизду давно уже все знаю. Все вообще, что можно.

– Вы в этом уверены? – улыбнулся Дамиан. – Ой, не зарекайтесь.

– Уверен, Дамиан. Ты мне сейчас пытаешься впарить обычный платный секс в другой упаковке, и все. А если эти упаковки снять, что останется? Вот это...

И Федор Семенович сделал непристойный жест двумя руками.

– Я немного не так вижу свою роль, – ответил Дамиан. – Даже совсем не так. Я органикую комплексный культурно-эстетический опыт, где секс является только одним из множества элементов.

– А если этот элемент убрать? Кто тогда на твою фуджи-еблю подпишется? Дураком меня не считай, пожалуйста.

– Я ни в коем случае и не...

– И про тантрический секс тоже втирать не надо. Я пробовал. Может, в Тибете он тантрический, а у нас все равно получается самый обычный половой. У меня для этих целей вон бассейн есть с русалками. И по этой части мне от тебя ничего не нужно, я сразу говорю. Вообще ничего.

– А чего бы вам тогда хотелось? – спросил Дамиан.

– Ты мне что-нибудь духоподъемное предложи.

– Духоподъемное? В каком смысле?

– Чтобы программа была не для того, что ниже пояса, а для того, что выше. Для души.

– Вы думаете, душа выше пояса?

– Надо полагать, – поднял брови Федор Семенович. – В фигуральном смысле, во всяком случае. А у тебя что, другие сведения?

– Много противоречивой информации.

– Например?

– Для начала, душа не имеет четкого телесного адреса, – ответил Дамиан. – Потому что она по определению именно то, что не является телом. Можно говорить только об условной точке, где она к телу привязана. Вот вы «Петра Первого» читали в школе?

– Читал.

– Помните, когда Лефорт умирает, доктор царю докладывает – мол, сухие жилы, которыми по нашей науке душа прикреплена к телу, переполнены у больного мокротами и следует ожидать полного отделения первой от последнего...

– Да, – оживился Федор Семенович, – помню. Я еще развеселился, когда читал.

– На самом деле, – продолжал Дамиан, – эти «сухие жилы» – скорее всего, выдумка писателя. Рене Декарт – и, соответственно, европейская традиция, к которой принадлежал лекарь Лефорта – считал в то время, что душа прикреплена к телу через шишковидную железу. Это такая горошина в центре мозга. Восточные традиции, наоборот, привязывают точку сцепления к чакре муладхаре, откуда дух поднимается по позвоночнику в качестве силы кундалини. Эта чакра ниже пояса – она в копчике. А японцы помещают место связи духовного с материальным точно в центр тяжести человеческого тела, середину живота. То есть не выше пояса и не ниже, а прямо на нем. Такая геометрия снимает, так сказать, всякое противоречие между верхом и низом.

– Не слышал, – сказал Федор Семенович.

– Слышали, слышали. Это та самая точка «хара», которую взрезают во время харакири.

– Ну ладно, – сказал Федор Семенович, – ты парень подкованный, вижу. Но мне не особо важно, где душа крепится к телу. Мне важно, чтобы я в этой душе что-то такое пережил. Что-то высокое и окрыляющее. Светлое. Вот такое, из-за чего люди симфонии сочиняют, в затвор уходят, и так далее. Что-то новое понял про жизнь и про себя... Чтобы опыт этот не в говно опускался, а поднимал к небу. Преобразовывал. В хорошем позитивном смысле. Такое у тебя есть в программе? Чего улыбаешься?

– Знаете, такой анекдот был. Если хочется большого и чистого, пойдите в зоопарк и попроситесь вымыть слона.

Федор Семенович засмеялся.

– А еще говорите, не было катарсиса, – продолжал Дамиан. – Вот он, катарсис. Когда все трещины в подсознании закрыты и психика оздоровлена, вот тогда и тянет слонов мыть. Возникает повышенный интерес к духовным вопросам. Так что не зря вы на «Помпейский поцелуй» подписывались. Уже сейчас видно.

– Да? То есть все благодаря тебе? Мозги ты промывать умеешь, Дамиан.

Дамиан сделал такое лицо, словно услышал комплимент.

– Ну так что? – повторил Федор Семенович. – Есть у тебя что-то необычное? Волшебное? Не поебаться в наручниках, не слона вымыть, а такое, про что я даже не подозреваю вообще.

Ошеломляющее. Небывалое. Только без наркоты. Без таблеток, без уколов. Настоящее. Сильное. Светлое.

– Между прочим, – сказал Дамиан, – вы сейчас призываете меня пойти против всего морального опыта человечества.

– Почему?

– То, что вы описываете, называется, если совсем коротко, духовной радостью. Это высшее человеческое счастье. Принято считать, что такие вещи не продаются и не покупаются – это божья награда праведникам. А вы хотите это счастье купить.

– Правильно, – ответил Федор Семенович. – Хочу. Потому что все, кроме такого счастья, у меня есть. Вопрос в том, можешь ли ты мне его продать?

– Будете смеяться, могу, – улыбнулся Дамиан. – Но дорого. Во втором таере счастья нет. Есть в третьем.

– Сколько?

Дамиан вынул телефон, что-то набрал на нем и показал экран Федору Семеновичу.

– Ого, – присвистнул тот. – И что, есть клиенты?

– Там три клиентские ниши. Две уже заняты.

– За такие деньги, Дамиан, в рай можно уехать. На постоянное жительство.

– Это нечто похожее, Федор Семенович.

– Ну-ка, расскажи.

– Цена вас не смущает?

– Я тебе объясню, – внезапно разозлился Федор Семенович, – смущает она меня или нет, когда пойму, что это такое. Ты кончай эти свои, блять, коммуникативно-торговые трюки. А то я напомнить могу, кто ты и кто я.

Дамиан чуточку побледнел.

– Я расскажу, конечно. Но надо сначала очень четко договориться о терминах. Давайте вместе определим – что такое счастье?

– Ну не знаю, как его определить, – ответил Федор Семенович. – Я не философ. Но обещаю тебе, что узнаю сразу. Не ошибусь и не спутаю.

– Да, – сказал Дамиан, – согласен. Счастье ни с чем не спутаешь. Но оно бывает сильным, слабым, мимолетным, нечаянным и так далее. А бывает высшим. Вы какое хотите?

– Высшее, конечно. Самое сильное и глубокое счастье, какое только может быть.

– Я так и подумал. Но ведь здесь должен быть какой-то объективный критерий, верно? Чтобы мы ясно понимали, о чем говорим. А то, с одной стороны, вы хотите высшее, а с другой – самое глубокое. Уже на вербальном уровне противоречие.

– Критерий нужен, – согласился Федор Семенович. – Но как ты его введешь?

– Единственный способ – научный. Вы немного представляете себе нейрологический механизм этого самого счастья?

– Смутно, – сказал Федор Семенович и повертел рукой в воздухе. – Наверно, что-то такое в клетках головного мозга.

– Верно, – отозвался Дамиан. – Совершенно верно. Как и все остальные наши переживания, это особый электрохимический процесс, сопровождающийся выделением нейротрансмиттеров и возникновением нейронных цепей. То есть, если перевести на бытовой язык, счастье – это когда мозг дает сам себе немного сладкой морковки. Потому что все на самом деле происходит в нем.

– Если так рассуждать, все хорошее, что с нами бывает – это когда мозг дает себе сладкой моркови.

– Так и есть, – сказал Дамиан. – К этому сводится все бесконечное разнообразие человеческих радостей. Мозг впрыскивает себе немного сиропа – вернее, коктейль из сиропов, их у него несколько видов – и делает нас счастливыми. Проблема, однако, в том, что мозг выделяет

сироп не по нашему желанию, а в строгом соответствии со своими внутренними правилами. Я имею в виду биологические, социальные и прочие программы... Чтобы крантик открылся, должно произойти что-то предусмотренное сценарием. Любовь. Успех. Признание. Избавление от угрозы – и так далее.

– Ну понятно, – кивнул Федор Семенович. – Человек – социальное животное.

– Сегодня можно формулировать точнее. Человек – это программируемое животное. Но эти программы, увы, пишем не мы сами. Их сочиняют природа и общество, и вовсе не для нашего с вами удовольствия, как вы, наверно, замечали...

– Замечал, – сказал Федор Семенович. – Ты давай к сути.

– Уже. Представьте себе, что существует программа, разрешающая мозгу хомячить сладкую морковку просто так. Даже не разрешающая – предписывающая. В максимальных объемах, которые он способен переварить. Без всякой фармакологии и вреда для здоровья. Разве это не будет субъективно переживаться как сбыча всех мечт и величайшее счастье?

– Наверно, будет, – ответил Федор Семенович.

– Можем мы это взять за критерий?

– Взять-то можем. Вот только программ таких, наверно, нет.

– Почему вы так думаете?

– А зачем тогда нужны другие? Человек грыз бы морковку целыми днями, и все. И ничего больше не хотел бы.

Дамиан засмеялся.

– Очень точное замечание. Тем не менее такие программы существуют. Вернее, существовали. Мало того, они были весьма распространены и полностью социально одобрены. Во всяком случае, тем обществом, которое имело о них представление.

– Тогда про них знали бы все.

– А все и знали. Правда, давным-давно. Две с половиной тысячи лет назад.

– Ты о чем?

Дамиан встал из своего кресла и прошелся взад-вперед по спальне.

– Федор Семенович, – сказал он, – вы слышали когда-нибудь о Палийском каноне?

Часть II. Джаны

2.1. Индийская тетрадь. Джаны

Танек, смешная моя девчонка.

Это не отчет о случившемся, как ты могла бы решить, если бы прочла когда-нибудь эти строки (что исключено), а размазанная по бумаге лечебная процедура. «Скриботерапия», как ее называют. Как бы работа с виртуальным психоаналитиком для тех, у кого аллергия на психоаналитиков живых – а у меня именно она.

Доктор сказал, что я должен мысленно выбрать какого-нибудь человека, перед которым мне не стыдно будет полностью разоблачиться – и, обращаясь к нему, рассказать о случившемся максимально подробно, не скрывая ничего вообще.

С человеком, даже воображаемым, контакт получается не у всех пациентов, поэтому в качестве адресата можно выбрать любимое домашнее животное – кошку, собаку, лошадь. Они часто вызывают у людей более теплые чувства, да и стесняются их меньше. Но я решил написать тебе, хоть на самом деле мог бы адресовать эти строки стене или тумбочке.

Только не подумай, что я сравниваю тебя с тумбочкой. Просто ответа от тебя не будет – прочтет это послание разве что сам доктор. Оно вообще не для того, чтобы кто-то его читал. Но поскольку я мысленно распахиваюсь не перед доктором, а перед тобой, мне немного теплее и легче; я, веришь ли, чувствую в груди эдакую щекочущую нежность. Увы, даже она не способна мне помочь. Но об этом позже.

Над столом, где я сижу, должна висеть твоя фотография – так положено при скриботерапии. У меня их целых две, маленькая и большая. Маленькую – где ты в желтом полотенце – прислал Дамиан. Они вели контрольную съемку с дрона на тот случай, если бы ты решила обвинить меня в изнасиловании. Фотография сделана еще до момента нашей коммуникации, поэтому ты улыбаешься, и вид у тебя счастливый и взволнованный. В профиль ты всегда получаешься здорово.

Рядом большая фотография. Я повесил ее позже – почему-то вдруг захотелось. Помнишь, перед десятым классом нас всех сняли у школы? Ты тогда вернулась с юга, и весь класс просто обалдел от твоей красоты. Твое лицо на большой фотографии – с этого снимка. Оно так увеличено, что похоже на расплывчатый пастельный рисунок, или вообще на что-то мультяшное. Только улыбка и солнце в глазах. Но я сразу вспоминаю, какая ты была в ту осень.

Ты и сейчас для меня такая.

Мне очень приятно было увидеть тебя опять возле этой чертовой бани. Ты выглядишь хорошо, но зря выщипываешь брови. И еще, будь я на твоём месте, я скинул бы килограммов пятнадцать. Но мне понятно, конечно, что у трудящегося человека в наше время не всегда есть такая возможность.

Я нахожусь в индийском штате Керала и прохожу реабилитацию после случившегося со мной несчастья. Реабилитация пока помогает не слишком.

Я не знал раньше, что человек может испытывать подобную муку и отчаяние. Доктор говорит, что я не должен терять надежду – но ничего не обещает. Он даже не понимает, что именно со мной произошло. И я не особо уверен, что смогу объяснить это тебе, хоть собираюсь рассказать все-все, не оставив на себе и фигового листка.

Ты догадываешься, наверное, что богатые люди не всегда счастливы, потому что у них много страхов и забот. Простые человеческие радости им давно надоели; чтобы испытать даже не «счастье» – какое уж там – а обычное удовлетворение от жизни, приходится идти на ухищрения разной сложности и дороговизны.

В мире есть немало людей, помогающих нам тратить деньги в борьбе с депрессией и скукой. Вот они-то и протянули мне яблоко соблазна в моем фальшивом раю.

Но сначала о том, что произошло в тот солнечный осенний день.

Помнишь Дамиана? Он договаривался с тобой о нашей встрече. Ушлый парень – у его стартапа есть несколько серьезных клиентов из списка «Форбс», готовых платить за разные интересные переживания, и он все время старается чем-то удивить.

То неприятное событие, свидетелем и участницей которого ты стала (поверь, мне стыдно даже вспоминать об этом), тоже его рук дело. То, что ты видела, называется «Помпейский поцелуй». Образно говоря, эксгумация несбывшейся мечты. Дамиан сказал, что все тебе объяснил.

Я понимаю, конечно, что ты обо мне подумала. Но у меня на самом деле никогда таких желаний не было. Вот клянусь покойной мамой.

Я объясню, как все получилось. Дамиан сказал, что мы не можем сами знать свои желания до конца и подходить к вопросу надо научно. В общем, он привел с собой австрийского психотерапевта. Долго его расхваливал – мол, последний подлинный продолжатель и ученик доктора Фрейда, держатель линии и все такое.

По виду это был чистый блондин-эсесовец, мог бы сниматься в Голливуде. Лицо надменное, высшая раса, шрам на щеке, как от буршеской дуэли. Я даже напрягся. Но по-русски говорит очень чисто, сказал, что много наших клиентов.

Этот блондин-эсесовец, значит, уложил меня на кушетку – и давай допрашивать. Особенно про детство и юность. Причем так хитро задавал вопросы, что я постоянно говорил совсем не то, что хотел. Даже такое выдавал, о чем вообще никогда не думал. Хорошо хоть, это не был следователь по хозяйственным преступлениям, а то бы я наговорил на червонец за первый же сеанс.

На тебя мы вышли быстро – я ведь за тобой всю школу бегал. Блондин спросил:

– Какой был самый памятный момент в ваших отношениях?

Я задумался – и чего-то вдруг вспомнил тот вечер у баньки. Когда ты мимо в одном полотенце прошла. Ну, говорю, так и так. Было дело на картошке.

Он начал переспрашивать – а почему не на огурце? Почему не на морковке? Пришлось ему объяснять, что такое была наша картошка. Кое-как объяснил. Он тогда спросил:

– А можете точно описать, что вы в тот момент почувствовали? Когда стояли у баньки? Говорите первое, что в голову приходит.

Ну я и ответил:

– Прямо захотелось взорваться как бомба. Все на себе распахнуть, сорвать... И с нее тоже. Ну и...

– Так-так, – говорит, – все с себя сорвать. А что именно на вас было?

– Да халатик слесарный, – отвечаю. – Помню, я еще за лацканы держался. Словно на месте себя удерживал.

– Ага, – говорит. – Ага. А вам именно сорвать хотелось? Или достаточно было просто распахнуть? Вспомните, это важно.

– Ну, наверно, сначала распахнуть... Как же сорвешь-то, если перед этим не распахнул.

Ну и минут за десять такого вот разговора мы и приехали сама видела куда. Главное, все слова я вроде бы произнес сам. Хотя подобных чувств за собой никогда и не помнил... Дальше ты видела. Хорошо хоть, Дамиан передал тебе двадцать тысяч. Не так стыдно.

В общем, объяснил я Дамиану, что думаю про его «Помпейский поцелуй». Хотел даже морду набить. Но он выкрутился. Сказал, что это только начало. Подготовка и разминка. А главное, ради чего все затевалось, впереди. Третий таер, все дела. Самая его лучшая, современная, высокодуховная и возвышенная технология.

Тут столько всего надо рассказывать – даже не знаю, с какого конца начать. Начну с того, что лучше помню.

Ты, наверно, слышала, что две с половиной тысячи лет назад на земле жил великий просветленный мудрец Будда.

Будда и его ученики практиковали особые состояния высокой концентрации, так называемые «джаны» – или, как их еще называют, медитативные абсорбции. Джана возникает, когда спокойный и бесстрастный ум целиком и полностью сосредотачивается на чем-то одном и перестает реагировать на все остальное. Объект сосредоточения может быть любым – дыхание, висящий на стене диск из цветного картона, чувство удовольствия, даже сосредоточенность сама по себе.

Это не просто древняя легенда. Такие состояния сознания известны и сегодня, но не многим людям – в основном монахам, прошедшим долгую многолетнюю школу. А во времена Будды джаны – или, как их называл сам Будда, «правильная концентрация» – были основным методом созерцательной тренировки.

Дамиан даже выдал мне специальную брошюрку своего стартапа, которую я, правда, не стал в то время читать. Потом пришлось – и не только эту брошюрку.

Поэтому не удивляйся, что у меня такие познания в вопросе. Я, конечно, не буддолог. Но моя покойная мама тоже не была доктором, а про радикулит знала очень много. Вот и здесь тот же случай. Впрочем, не буду забегать вперед.

Про джаны много говорится в ранней буддийской литературе – палийских сутрах, комментариях и так далее. Это был своего рода фундамент для всех остальных медитативных достижений и практик. Всего этих абсорбций восемь – четыре называются «материальными», еще четыре – «нематериальными». Джаны различаются между собой, если провести сомнительную аналогию со спиртным, степенью очистки – и как бы поочередно возникают одна из другой.

Дамиан сказал, что эти медитативные состояния и были самым высоким доступным человеку наслаждением и счастьем. Настолько высоким, что рядом с ними все известные чувственные аттракционы казались омерзительно-грубыми и никчемными – и современники Будды оставляли мирские радости без всяких сожалений.

У многих практиковавших джаны последователей Будды возникал вопрос, не кончится ли это очередной привязанностью. Но Будда отвечал так: ребята, не бойтесь, все будет ништяк – или уйдете в ниббану, или родитесь в таком месте, что горевать не будете точно.

Теперь представь, как жили монахи во времена Будды. С утра они собирали еду, гуляя по округе со специальной большой миской. Поесть надо было до полудня, потом по правилам было уже нельзя. А дальше...

Все они с детства привыкли сидеть на земле скрестив ноги, так что многочасовая медитация их не обременяла. Будда обычно говорил так: «Идите, монахи, под древесную сень, идите в пустые хижины – и тренируйтесь усердно, истинно, в ясной памяти».

И вот в этих самых джанах ученики Будды и проводили свои дни.

Проблема с джанами, однако, в том, что они труднодостижимы даже для монахов, у которых и дел-то других нет, кроме как сидеть в лотосе по десять часов в день. Для абсорбций нужно иметь очень чистую совесть и очень спокойный ум. И если древние индусы при живом Будде кое-как еще справлялись, то потом джаны перестали быть главной буддийской практикой. Вместо них монахи начали делать поклоны и распевать священные мантры.

Я все разговоры на своей яхте пишу, так что дальше шпарю прямо по расшифровке, а то сам уже не вспомню.

В общем, послушал я Дамиана и сказал:

– Ну хорошо, а мне-то что? Какое мне дело до этих ниббан, джан и так далее? Ты вот говоришь, что эти абсорбции приятные. Но даже профессиональному монаху достичь их трудно.

А я в лотос только раз в жизни сел, на спор на втором курсе. И правая нога у меня потом две недели болела. «Очень чистая совесть, очень спокойный ум». Я тебе честно скажу, это не про меня. Я же не чекист. Ты чего хочешь, чтобы я по восемь часов в день медитировал ради какого-то древнего кайфа? Да я лучше кокаина занюхаю и «Кристаллом» залакирую.

А Дамиан улыбнулся так сладко и загадочно – ты его видела, помнишь – и сказал:

– Зачем по восемь часов в день? Сейчас, Федор Семенович, наука развивается с такой скоростью, что становятся возможными настоящие чудеса. Вы можете пережить буддийскую джану без всякой очистки ума и совести.

– Это как?

– Вы знаете, что такое сканирование мозга?

– Смутно, – признался я.

– Видели в кино мозговые сканеры? Такие электроды на голове, которые ловят излучение мозга и передают на компьютер или в другую голову. В каждом втором сериале сейчас.

– Видел, конечно, – ответил я. – Резиновая шапочка, а на ней провода и присоски. И огоньки, огоньки. Все время думаешь – зачем им на голове столько лампочек?

– Именно, – улыбнулся Дамиан. – А у плохих ребят глаза красным горят, чтобы зрителя сориентировать. Но это не фантастика, Федор Семенович. Такие сканеры есть на самом деле, разве что без лампочек. Их всю продают. Можно хоть сейчас купить в интернете...

И стал листать фотки на своем телефоне.

Сначала показал черный обруч с щупальцами как у спрута. На щупальцах – металлические шайбы, которые ловят мозговые волны. Таким интерфейсом можно прямо с головы управлять компьютерной игрой или дроном. Стоит в районе трехсот баксов. На рынке аж с десятого года.

Затем показал тренажеры для медитации с «Амазона». По виду что-то вроде оправы для очков со встроенным слуховым аппаратом. Когда мозг становится слишком активным, такой гаджет ловит электромагнитные поля и выдает звуковой сигнал – мол, расслабься, чувак, думать о работе будешь потом, сейчас ты медитируешь...

Самая запомнившаяся мне фотка была такая – человек в маске черепа, а на голове ацтекская корона из длинных белых прищепок. Я бы решил, что это какой-то contemporary art. А Дамиан сказал, что это магнитный томограф с квантовыми сенсорами. Раньше такие весили две тонны, а сейчас их монтируют на велосипедном шлеме.

Ну и так далее. В принципе ничего сверхъестественного я не узнал – слышал краем уха про подобное и раньше, просто не был в курсе, что все уже переехало на бытовой уровень. Прогресс, мать его.

– Не загружай меня лишней информацией, – сказал я. – То, что ты умный, я знаю. Давай дайджест.

– Вы когда-нибудь слышали про такой прибор – эмо-пантограф?

– Нет, – ответил я, – не слышал.

– Ничего удивительного. Был такой стартап в Силиконовой долине, наш парень замутил. Технологию сразу засекретили, но денег ему толком не дали. А он тогда назад вернулся и наработку эту по-тихому второй раз продал. Девайс, надо сказать, не такой уж и революционный. Но вещи делает удивительные.

– Какие?

– Вы знаете, что такое пантограф просто?

Я вспомнил, что была такая игрушка.

– Ну да, припоминаю. Устройство для копирования. Штанга с шарнирами, на ней крепятся два карандаша. Одним карандашом обводишь какую-нибудь фигуру, а второй карандаш рисует такую же на другом листе бумаги.

Дамиан взьерошил волосы – он так часто делает, когда волнуется – и продолжил:

– Эмо-пантограф – это то же самое. Считайте, очень навороченный медитационный тренажер с «Амазона». Вернее, два таких тренажера на одной штанге. Работает по тому же принципу, как все мозговые сканеры, только не с корой мозга, а с лимбической системой – зоной по краям таламуса. Если человек переживает эмоцию, это дает сложный всплеск электромагнитных полей. Их можно уловить и составить цифровую карту возбуждения лимбических зон. А потом – передать информацию на специальный шлем и навести в нем через усилитель особое низкочастотное излучение...

– Еще короче и самую суть, – попросил я.

– В общем, там сложный механизм интерференции с мозговыми волнами, как в бильярде, когда удар передается через несколько шаров. Так мне объясняли, во всяком случае. В конечном счете можно подействовать на другую лимбическую систему и вызвать в ней те же процессы.

– Ты хочешь сказать, так действительно мысли читать можно?

– И да и нет, – сказал Дамиан. – Если очень напрячься, то да. Опыты уже делали. Пересылали мысли из мозга в мозг по интернету. Отдельные слова. Из Франции в Индию, кажется. Но в практическом смысле это скорее развлекательные аттракционы, чем функциональные системы.

– А в чем проблема?

– Ловить сигналы мозга сквозь скальп трудно. Есть поля от нейронов, есть – от мышц головы, есть излучение вашего смартфона, кондиционера и так далее. Все вместе складывается в одно общее электромагнитное поле, которому может соответствовать бесконечное число внутренних состояний мозга. Информацию о них точно не восстановить. Зато с эмоциями ситуация другая.

– Почему?

– Я сам не специалист. Мне на примере объясняли. Вот представьте большой газон. У каждой травинки свой наклон. У нас есть сканер, способный измерить средний угол. Думающий мозг – это когда все травинки торчат в разные стороны. По среднему углу мы ничего не поймем. А эмоции – такая система, где у всех травинок наклон одинаковый. Этот угол можно измерить очень точно даже несовершенными методами...

Я сделал усталое лицо.

– В общем, – заторопился Дамиан, – то, что не канает с корой, канает с лимбической системой. Главное ноу-хау – в конструкции электрода, который будет работать по зоне таламуса. Вернее, не по самой зоне, а через интерферен... Неважно, извините. Ну и, конечно, софт – фильтровать и генерировать сигналы. Все это уже есть. Устройство на сто процентов функционально. Технология неинвазивная – в мозг ничего вживлять не надо.

– А почему тогда этот стартап в Силиконовой долине не профинансировали? – спросил я.

– Да вот именно поэтому. Военным ведь что нужно? Пленных допрашивать или экзоскелетом управлять. На такие работы они тратят миллионы. А эмоциональное состояние для них просто помеха. Хотя это тоже своего рода информация, но очень простая, даже примитивная, и продать ее нельзя... То есть они думали, что нельзя. А я...

– А ты думаешь, что можно.

– Уже не думаю, – сказал Дамиан. – Знаю. Буддийскую джану можно передать с помощью эмо-пантографа. Ее могут пережить люди, не имеющие никакого медитативного опыта вообще. Мы пробовали на совсем темных... То есть, простите, девственных персонажах. Все великолепно работает.

– Сам пробовал?

Дамиан кивнул – и даже чуть покраснел.

– Мало того, – сказал он, – отчетливо транслируется не просто некое приятное переживание, а все четыре материальные джаны по отдельности. В нюансах и четко. Единствен-

ная разница – сперва не такое глубокое погружение, потому что у нетренированного человека сохраняются хаотические колебания ума. Подавить их полностью эмо-пантограф не может. Во всяком случае, при первых нескольких опытах. Но потом даже эти колебания затихают. Их гасит сама джана.

– Понятная схема, – сказал я. – Хорошо придумал. Ну и как это? На что похоже? Расскажи.

– А вот этого не могу.

– Почему? Сам себе подписку дал?

– Да нет, Федор Семенович. Не подписку. Вот знаете, такой анекдот был про чукчу, который из Москвы вернулся. Его спрашивают – ты что там ел самое вкусное? Он говорит, я фрукт апельсин ел. Очень сладкий. Его спрашивают – как сладкий? Как морошка сладкий? Он подумал и отвечает – нет, не как морошка. Как ебаться.

Я засмеялся.

– А смешного, – сказал Дамиан, – на самом деле мало. Чукче сравнить не с чем, и мы думаем, что он дурак. Но по отношению к глубоким джанам мы все такие чукчи. Я тоже только это и могу сказать – как ебаться сладко. И даже намного-намного слаще. А хотите узнать, так попробуйте. Скажу вам только одно – ничего лучше за свои деньги вы точно не купите.

– Подожди-подожди, – сказал я. – Но ведь пантографу нужен, как это сказать, исходный рисунок. Разве нет?

– Нужен.

– И где же мы его брать будем?

– А мы трех монахов из Бирмы выписали. Из самой аутентичной древней традиции. Им на ремонт монастыря заработать, а нам... Ну, сами понимаете. Я говорил, что у нас три ниши. Два монаха уже заняты, а третий простаивает. Он теперь ваш.

Вот так, Танек, я и принял самое опрометчивое решение в своей жизни.

Эмо-пантограф оказался довольно громоздким устройством – под него на яхте пришлось отвести специальную техническую комнату.

Главным элементом был компьютерный блок, в котором и было сконцентрировано все ноу-хау. Мне запомнился большой пульт вроде диджейского – много-много одинаковых ползунков. Еще в комплект входило несколько тяжелых ящиков, соединенных проводами: кнопки с цифрами, переключатели – как будто что-то медицинское или военное. И три больших монитора, смонтированных на одной раме. Над правым надпись «source»⁴, над левым «target»⁵, а над центральным «match»⁶.

Все это еле поместилось в комнате. Обслуживали установку два вежливых техника – сперва они ходили в синих халатах (извини), но через пару дней переоделись в вольное и пляжное.

Когда я пришел посмотреть на железо, Дамиан попросил техников показать, как выглядит настройка.

На правом и левом мониторах появились разрезы двух черепов с разноцветными пятнами внутри. На центральном возникли эти же два черепа, наложенные друг на друга, но их контуры не совпадали. Техник стал двигать ползунки на своем музыкальном блоке, пока из двух черепов

⁴ «Источник».

⁵ «Цель».

⁶ «Совпадение».

не получился один – и, когда все цветные пятна и линии внутри слились, внизу появилась надпись: «match 96 %».

– Это уже хорошая корреляция, – сказал Дамиан. – Иногда доходим до девяносто девяти. Сначала многое зависит и от клиента. Насколько он способен перестать париться о своих проблемах. Но с какого-то момента перестают париться все, потому что выясняется много нового.

– Говоришь загадками, Дамиан, – сказал я. – Будишь любопытство каждым предложением. Молодец. Тебя любой отдел продаж с руками оторвет. А что на голову надевают?

– А вот.

Дамиан открыл пенопластовую коробку и показал два черных шлема из легкого углепластика. На затылке и ушах у них были такие алюминиевые блюдца гармошкой. Немного похоже на половинки раковины-жемчужницы. Если бы я увидел такую штуку на столе, подумал бы, что это пепельница.

– Вайфай? – спросил я. – Блютус?

Дамиан улыбнулся.

– Приятно поговорить с интеллигентным человеком. Нет, Федор Семенович, провода. И довольно толстые, потому что экранировка. Я думаю, мы их в мультимедийную комнату протянем. Там диваны, кресла, ковры на полу. Удобно сидеть.

– Оба шлема туда? – спросил я.

– Оба.

– То есть я рядом с монахом должен сидеть во время сеанса?

– По опыту, – ответил Дамиан, – лучше, когда target находится физически близко к source. Хотя бы три-четыре метра. Почему – не до конца понятно, может, какие-то еще факторы действуют... Все-таки тут не одно электричество. Это мистический опыт. Не волнуйтесь, монах тихий. Вы его не заметите даже.

– Говоришь, их трое?

– Да.

– А кто два других клиента?

Дамиан прижал руки к груди.

– Федор Семенович, про других клиентов не могу говорить. Вот как про наши с вами отношения никому ни слова не скажу, так и про других – ни слова даже вам. Зато могу монахов показать. Всех троих.

Он вынул телефон и показал мне трех бритых мужиков в желто-коричневых рясах. Один был пухлый и веселый. Другой тоже пухлый, но с неприятным выражением на отечном лице – я подумал, что он похож на утопленника. Вот этого второго я точно не хотел. Третий был худым, неопределенного возраста. У него было странно спокойное лицо без мимических морщин – такое, что от одного взгляда на него становилось покойнее и легче.

– Вот этот мне нравится, – сказал я.

– Саядо Ан, – кивнул Дамиан. – Это как раз ваш и есть.

На следующий день вертолет привез мне на лодку этого саядо Ана вместе с бирманцем-переводчиком. «Саядо» – это у них что-то вроде титула. Как я понял, так называют всех монахов. Ан – это было имя.

Как только монах вылез из вертолета, Дамиан бухнулся на колени и три раза коснулся головой пола.

Поскольку он ни о чем меня не предупреждал, я решил, что мне это делать не обязательно, и поклонился в пояс, широко отмахнув рукой в духе народных сказок. Мол, исполать тебе, басурман, от щедрой земли русской. Монах сложил руки на груди – маленькие такие коричневые ладошки, как у ребенка – улыбнулся и поклонился в ответ.

Из вещей у него с собой были большой металлический чугунок вроде тех, какие в деревне ставят в печь, зонт типа пляжного и узел с запасной рысой.

– Зачем ему чугунок? – спросил я.

– Это чаша для подаяний. Порядок такой. У них строгая дисциплина, завещанная самим Буддой.

Монах мне понравился. Он был очень спокойный. Жаль только, не говорил ни по-русски, ни по-английски.

Я пригласил его пообедать, но он сказал через переводчика, что уже принимал сегодня пищу и хотел бы отдохнуть. Мы назначили опыт на завтра в пятнадцать ноль-ноль и разошлись.

Дамиан велел не есть и не пить после часа дня и сходить перед сеансом в туалет.

– А мы, – сказал он, – пока систему настроим.

– Хорошо, – ответил я, – встретимся в одиннадцать за завтраком.

– Лучше в десять. Саядо Ан должен поесть до полудня, потом ему нельзя будет. Пусть не торопится.

На завтрак я велел организовать шведский стол, чтобы монах сам выбрал, что ему есть. Велел положить всяких травок, кореньев, фруктов. Утром я даже оделся поприличней – кто его знает, какой у них в Бирме этикет.

В десять монаха еще не было, и мы с Дамианом начали есть. Дамиан, видимо, понимал, что я глуповато чувствую себя в белом смокинге, и развлекал меня разговором.

– Сейчас многие богатые люди ищут духовных постижений, тренд такой. Но вряд ли кто-нибудь что-то такое реально найдет без эмо-пантографа. Шанс только у вас.

– А кто еще ищет-то? – спросил я.

– Да вон хотя бы Герман Греф. Выписал к себе индийского гуру на собрание менеджеров. Не слышали?

– Нет, – сказал я, – не слышал.

– Да как же не слышали. Это такой перец из «Сбербанка». Он даже мне на телефон эсэм-эски присылает – мол, только для вас льготный кредит под восемнадцать процентов годовых по предъявлению паспорта.

– Да нет, Германа я знаю. Я про гуру не слышал.

– Вот правда, выписал. А гуру объяснил, что менеджер должен постоянно пребывать в моменте, потому что все бабло исключительно там. Слухи, во всяком случае, такие...

Я пожал плечами.

– Мог бы в Москве какого-нибудь учителя йоги за сто долларов найти, – продолжал Дамиан, – тот бы сказал то же самое слово в слово. Других слов за последние две тысячи лет все равно не придумали. Сэкономил бы народные деньги.

Я молча ел.

– Но им ведь в «Сбербанке» надо, чтобы штамп был из бутика «Гермес», – продолжал Дамиан. – Иначе не покатит. «Половой, и мне в гузку света невечернего на триста рублей...»

Я хотел уже с раздражением сказать ему, что не наше дело считать чужие средства, но в этот момент в столовую вошел Саядо Ан со своим переводчиком.

Я думал, что он сядет с нами за стол, но он вместо этого сложил ладошки перед грудью и сделал нам такое индийское приветствие. А потом вынул из перекидной сумки на груди свой чугунок и стал кидать в него еду со шведского стола. Как мне показалось, без особого разбора.

– Саядо Ан желает вам доброго утра, – сказал переводчик. – И благодарит за ваши щедрые дары.

После этого парочка удалилась. Некоторое время после их ухода я еще чувствовал ауру странной тишины, как бы окружавшей монаха – словно немного его покоя осталось в столовой. А потом мне сделалось обидно.

– Чего это он? – спросил я. – Что ему, поесть с нами за одним столом в падлу?

Дамиан засмеялся.

– Нет, что вы – почему сразу «в падлу». Просто у этих монахов столько всяких мелких правил, что лучше им ничего не навязывать. Им, например, нельзя спать на высоких кроватях – пришлось ему гимнастический коврик постелить. Мне самому непонятно. Ну, запреты насчет женщин, это ладно. Но кровати при чем?

– Посмотрим, – сказал я, – что он нам покажет... И кстати, Дамиан. Вот ты говоришь, любой учитель йоги повторил бы менеджерам «Сбербанка» те же самые слова. Может быть. Но разница все-таки есть.

– Какая?

– Гуру из Индии – святой. Настоящий. Его в «Роллс-Ройсе» возят. Цветы под ноги кидают, все дела. А учитель йоги, если его за сто долларов нанимают – это эрзац. Там только слова такие же, а то, что за ними стоит, внутреннее состояние, оно может быть совсем-совсем другое. Особенно если он на свои курсы йоги в метро ездит и все эти хари ежедневно видит.

– Правильно, – согласился Дамиан. – Может быть, у святого внутреннее состояние совсем особое. Не такое, как у учителя йоги. Но ведь Греф со своими менеджерами все равно услышит только слова, которые этот индус скажет. Это по-научному называется потерей информации при передаче сигнала.

– Какого сигнала?

– Внутреннее состояние святого описывается через слова. И они уже столько раз произносились, что их знает любой тренер по йоге. Слова – это и есть сигнал, передающий информацию. Но сами по себе они не вызовут в чужом сознании породившего их эффекта. Понимаете?

– Ты хочешь сказать, духовная информация всегда теряется? В смысле, когда она передается словами?

Дамиан немного подумал.

– Ну это зависит от того, как подойти. Мусульмане, например, верят, что у них есть совершенный божественный сигнал, которого полностью достаточно – Коран. Это часть их теологии. Но большинство мусульман все равно знает Коран только в переводе. А это уже совсем другое дело.

– Давай про это не будем, – сказал я. – Опасная тема.

– Не буду, – кивнул Дамиан. – Но в главном вы, пожалуй, правы. Насчет разницы между высокооплачиваемым святым и местным учителем йоги. Многие люди верят, что кроме слов действует что-то еще. Поле, духовная энергия, личное присутствие, не знаю. Именно поэтому на дорогих гуру такой спрос. А жулики всех мастей на этой вере паразитируют и выдают себя за святых.

– Что же, – спросил я, – везде одни жулики?

– Нет, почему. Не везде. Что-то за этим действительно стоит. Какой-то естественный механизм типа резонанса. Когда Будда свои проповеди читал, люди сотнями просветлялись. Про Иисуса можно сказать практически то же самое. Их слова более или менее нам известны – остались в сутрах и Евангелиях. Но просветляются от них в последнее время не так чтобы слишком часто. Вот для этого, Федор Семенович, эмо-пантограф и нужен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.